ХАЗАРЫ

Историческая поэма для устного чтения в трех частях

Памяти жертв Геноцида в России в 617 - 1993 годах ПОСВЯЩАЕТСЯ

Отрывки из незаконченной поэмы

По традиции убраны скатерти,
Зеркала занавешены шалью . . .
С неизбывной по мёртвым печалью
Просит хлеба Россия на паперти . .

ПРОЛОГ

ВДОВА

Вся в чёрном,—
Всё в прошлом
И тихой печали,—
УШЛИ все живые
И дни замолчали.

Чуть сгорбившись,
Медленно в церковь заходит
И плачет,
И смотрит на образ святой,
И молится истово,—
Просит у Бога:
— Помилуй их души и упокой!
Ведь были чисты они, Родину чтили.
За что же их, Господи,
В чём их вина?!
Скажи мне, о Господи, где их убили?

За что их убили?
Зачем я жива? —

Подходит к ней батюшка
В горе утешить,—
И плачет с ней вместе, и ищет слова…

А утром чекисты писали неспешно:
— Молилась на встрече с попом та вдова
И был разговор у них там же за сына:
— Он пал за Россию, — сказала она!
И поп помолился потом за Россию!
И были о КАРЕ !
В молитве слова.

Бумаги летели как злые борзые,
Ужасен был троек кровавый террор.
Вели приговоров ступени крутые
На нары тюремные, смерть и позор

Я видел на севере кости святые.
Разбросаны в диких, безлюдных местах.
Неужто мы их имена позабыли?

И некому плакать о них, о Вдове?
И некому плакать теперь о России?
Простите, Я плачу!
Простительно мне?!

Хазары, обры
В жажде куража,
Рабынь впрягали вместо кобылиц.
И скрип забытых этих колесниц
В моей груди — как лезвие ножа!

ХАЗАРЫ

Историческая поэма для устного чтения в трех частях

часть 1

ПРОЛОГ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

— Скажи мне, дедушка, хазары
Кто?
Половцы или татары?
Читал я где-то, будто даром
Олег жестоко мстил хазарам,
Что был богатым их народ,
Себя звал праменем господ,
Лукавым другом был славян
Мечи брал данью у полян,
Имел большие города
И в Диком Поле!
Пас стада...

— Я слышу голос поколений!
Как быстро, внучек, ты подрос,
Мне близким кажется то время,
Когда задал я твой вопрос,
У деда сидя на коленях.

Нам в книгах о хазарах лгут
Историки, искусствоведы
И над хазарами — победы
По злой традиции не чтут.

Забыть нас заставляют время
Когда неведомо откуда
Привел на Русь хазар Иуда —
Безбровое, степное племя.

Стыдились русские признать
Истории своей начала
Ещё бы!
От детей Вандала
Вела свой род вся наша знать.

Забыт хазар кровавый счёт!
Их не судьба наворожила —
Сплотила алчность и нажива
Многоязычный хищный сброд.

Кошерным иудейским правом
Он управлял из двух столиц
Своей державой без границ
И был разгромлен Святославом!

Узнал я, внук, о них от деда,

Жестокий это был народ,
Но вспоминаю в свой черёд
Я каждый раз рассказ соседа.

Сосед мой был из тех, из старых...
Семейные преданья знал.
Мне о хазарах рассказал
Он лёжа
На тюремных нарах
Сидел я вместе с ним в ЧК.
Те двадцать дней . . .
Не дни, — века!

Он родом был из тьмы веков
И помнил гибельность оков,
Мечей булатных лязг и звон,
Смертельной пение стрелы,
Богатырей предсмертный стон
И русский клич: — Иду на вы!—

Он вел от Рюриков свой род
И погибал теперь за это.
Тысячелетняя вендетта
Косой косила наш народ
Уничтожались все подряд,
Кто сохранял о прошлом Память
И новое грозил ославить,—
Как дикий,
Жертвенный обряд.

А "рюрикам" особый счёт
Вели темницы в эти годы.
Освобождённые народы
Несли им смерть, а не почёт.
И мой сосед, конечно, знал
Причину своего несчастья
И смерти ждал от новой власти.
Сказать по-правде, — гордо ждал.

Его фамильные преданья
Нам открывали понемногу:
Кровавому какому богу
Угодны русские страдания.

Мне не забыть того прощания,
Ту, вдруг затихшую тюрьму,
Когда его вели во тьму . . .
Мы поклялись тогда ему
Запомнить это завещание:

— Славяне!
Братья и друзья!

Народ наш губят геноцидом!
Припомнив давние обиды,
Казнят купцов, казнят дворян,
Князей, священников, крестьян,
Поэтов, гениев, царей,
Их жён и маленьких детей!

Кто был ничем,—
Тот правит Суд!
Во глубине сибирских руд
Всех, кто закон исполнить мог,
Как жертву принял алчный бог!

Я жив остался, внучек, чудом.
Быть может только для того,
Что бы тебе рассказ его
Поведать.
Слушай:

ТРИЗНА ГОСТОМЫСЛА

О временах великих бед
Молчат святые письмена
Была то страшная война
И продолжалась триста лет.

Тогда охоту на рабов
Вели хазары в наших землях.
Не стало многих городов,
Не стало жителей в деревнях . . .

Опустошив богатый юг,
Всё дальше шли они по рекам,
Что из варяг вели путь к грекам,
Испепеляя всё вокруг.

Их стратегическая цель
Была —
Развеять в прах Аркону,
Души славянской оборону,
Столицу русских всех земель.

Последний на пути преградой
Для них был Новгород Великий.
Торжествовал хазарин дикий
Пред каменной его оградой.

Но Гостомысловы полки,
Хазарам преградили путь,

И бились с ними грудью в грудь,
В ход шли ножи и кулаки,
Когда булат в бою ломали,
И горло рвали им зубами!
— Не будут русские, рабами! —
Как клич, как гимн свой повторяли.

Но от ковыльного кургана
Хазары за волной волна
На север шли.
Была война
Послушна воле злой кагана.

И были жертвы велики.
Редели русские полки.
Без счёта гиб простой народ,
Присёкся Гостомысла род!

Неизмерима боль потерь!
По сыновьям справляет тризну,
Задумчив князь,— кто за отчизну
В бой поведёт полки теперь?

Погибли сыновья...
Но внуки!
Растут у дочери Умилы.
Полны спокойной русской силы.
К мечу у них привычны руки.

ПОМОЩЬ РАРОГА

Тогда средь западных славян:
Полян, словен, полабов, пруссов
Сильнейшим было племя руссов,
Владевших островом БУЯН.

Как Рерик он знаком датчанам,
Рарогом звали сами руссы,
Поляне, новгородцы, пруссы
Прозвали ласково — Буяном.

Платили дань им города
Далекой Дании богатой.
И вот им весть везёт глашатай:
— Спешите в Новгород! Беда!

Вандала там пресёкся род,
У Вас наследник есть ему,

Зовут Вас слёзы на войну,
Зовёт Вас весь честной народ!

Хазары — беспощадный враг,
В боях не знают поражений,
Возьмите на поля сражений
Полки подвластных Вам варяг. —

Послов не мучили ответом.
Когда друзьям грозит беда,
На просьбы помощи всегда
Рароги отвечали: ДА! —
И уж держали слово это.

Три брата — как гласит предание
Собрали рать на помощь деду.
В боях с хазарами — победу
Волхвов пророчило гадание.

Средь внуков — РЮРИК удалой.
Водил Олег его дружину,
Делил с ним радость и кручину
И прикрывал в бою собой.

Триста ладей ушли с Рарога.
Тридцатитысячная рать.
И кто мог будущее знать
В такую уходя дорогу? . .

СОВЕТ ИУДЕЕВ В ИТИЛЕ

Кагал

А в это время у кагана
Шел свои совет, свои дела:
— Чтоб их не мама родила!
— И гнить им чтоб во тьме кургана!
— На что осмелились рабы?
— На нашу посягнуть торговлю?
— Зальем их города мы кровью!
— Не миновать им злой судьбы!
— Должны мы исполнять талмуд!
— Тяжел, но благороден труд!
— Мы убивать должны у гоев,

Всех, кто их князем быть достоин!
— Как плодовиты там князья!
— Простить их дерзость нам нельзя!
— Откуда взялся этот Рюрик?
— Что думают там наши люди ?

Каган

Тут каган прервал свое молчание:
— Слушайте, Израиля сыны!
Снились мне всю ночь дурные сны!
Суждено мне страшное заклание
И меня как будто русский князь
Здесь в Итиле с башни вниз бросает!
Конец света видно наступает,
Если уж кагана — лицом в грязь!
Рюрик, я скажу, опасен каганату.
Враг он нам находчивый и смелый.
Говорите все на наше дело,
Я для этого собрал ума палату.

Банкир

Кагана главный казначей,
Банкир Венеции, Царьграда,
Дербента, Генуи, Багдада,
Был правоверный иудей.

Сказал:
— Мы чтить должны талмуд

И убивать князей у гоев!
Всех, кто чего-нибудь достоин,
Убить!—
Наш главный долг и труд.
Убить!-
Так требует талмуд.

А без князей, что гои?—
Стадо!
По разведению рабов.
Не надо тратить лишних слов,
А Рюрика убрать нам надо!

Полководец

Вышел бек.
Как главный полководец,
Он кагану клялся Иеговой,
Что накажет русский он народец
И умоет кровью город новый!

Что в кучи головы врага,
Он словно кучи репы спелой сложит,
А сверху голову он Рюрика положит,
Если тому жизнь не дорога.

Раввин

Всех каганата мудрецов
И толкователей талмуда
Предвосхитил Равви Иуда.
Он произнес немного слов:

— Возьмет наш славный бек хабар,
Так значит будем не в убытке.
А не возьмет, — подвергнем пытке!
Рабы славянские — Товар!

И князя Рюрика судьба,
Я думаю ясна здесь многим:
Нас научила мстить убогим
Тысячелетняя борьба.

Он правнук грозного Вандала,
Царь необрезанных рабов,
Враг наших пашен и садов,
И бог его — огонь пожара.

Не он нам страшен, а рабы,
Что ждут в подвластных деревнях,
Того, кто скажет : "Вы не прах?"—
И князь для них, как перст судьбы!

Не дать зажечь такой войны!
Убрать его кинжалом, ядом!
Любую посулить награду
Должны Израиля сыны?

Работорговец

Купец богатой Бухары
Спокойно относился к шуму.
В уме подсчитывал он сумму,
Что принесут ему рабы:

— Нынче, кстати, дешевы рабы,
На прокорм иной раз больше тратишь,
Да за место на базаре платишь,
Да все время ждешь от них беды!

Пусть воюют глупые хазары.
Грех хвалиться, миллион имею!
Что надобно еще еврею?
Миллион и место на базаре!

А где рабы, там золота сиянье,
Мне его считать не надоело.
Работорговля — выгодное дело.
И лучшие рабы из всех — славяне!

Каган

Молча выслушал и так
Завершил совет каган:
— Да поможет нам обман!
Рюрик ищет себе власти,
Новгородцы любят волю,
Вы засейте это поле,
Пусть передерутся гои,
Разделите их на части!

Посылайте караваны
Краснобаев из купцов,
Пусть смущают на базарах
Новгородских молодцов.
Пусть они не пустят в город
Князя Рюрика дружину.

Сеют пусть они раздоры!
Ищут пусть вражды причину!
Гонцов шлите в степь и горы!
Начинайте войска сборы!
Вновь на русскую равнину
Мы пошлем хазар лавину!

Ну, а Рюрик!...
Как когда-то на кресте

ИИСУСА,
Поравнявшего нас с грязными рабами,
Точно так должны распять мы с Вами
Этого зарвавшегося руса!

НОВГОРОДСКАЯ СМУТА

Интриги хазар

Беспечны были новгородцы,
Коварны и умны хазары.
На бойком месте, на базаре
Места имели инородцы
И злою ласкою народ,
И пьяным зельем совращали,
И силою хазар страивали —
Склоняли к дани НОВГОРОД.

Из-за таких-то вот смутьянов,
На Вече устрашась измены,
Решили:
— В Новгорода стены
Не пропускать войска буянов!
Когда приплыли их полки.
— Варягов диких с ними рать!
Постановили:
— Войску стать
У устья Ладоги реки!

И в те же дни принес датчанам
Гонец послание Кагана:
— Дружина вся ушла с Буяна,
Их флот — за морем-океаном
В Аркону шлите корабли,
Сотрите их с лица земли!—

Подкравшись к острову в ночи
Напали даны на ророгов.
Как кара, посланная Богом,
Детей разили их мечи!
Осталась выжженной земля...

Да, можно мстить — вернуть нельзя
Детишек, женщин, стариков!
В те дни распалась цепь веков,—

То Боги назначали сроки,—
La Fate истории земной!
Пред неизведанной судьбой
Войска остались на Востоке.
Одно лишь ясно:
Скоро в бой!

В том, что хазары — главный враг
В полках не ведали сомнений,
И Рюрика державный гений
Славян собрал под черный стяг.

Подолгу Рюрик о хазарах
Беседы вел где только мог:
— Воюют как? И кто их бог?
И чем торгуют на базарах?
Всех, кто о них хоть что-то знал,
Охотно Рюрик принимал.
Он понимал: опасен враг!
И рассчитал свой каждый шаг.
Я приведу рассказ купца,
Волхва и с юга беглеца:

Рассказ купца

Земля соленая от слез
Уж не родит почти столетье.
Осиротела в лихолетье
Страна серебряных берез…

Всех, кто хранил заветы дедов,
Хазарин хитрый погубил,
Остались русские без крыл
И день грядущий нам не ведом…

Детей рабами забирал,
Отборный лес тянул плотами.
Венецианскими мостами [1]
Тот русский лес на веки стал,

Своим наемником Россию
Двадцатидворками делил,
Рабами русскими купил
И Перию и Византию!

[1]Венецианские набережные и фундаменты многих всемирно известных зданий Венеции до сих пор стоят на сваях из русской лиственницы, которую, как показывает радиоуглеродный анализ, завезли в Венецию в 6—7 веке нашей эры, т.е. а самый разгар экспорта славянских рабов в Средиземноморье хазарским каганатом.

Нам не пройти на юг по рекам.
Там в городах сидят хазары
И новгородские товары
Торгуют ныне сами грекам.

И потому мою ладью,
Прошу, прими в свою дружину
Уж лучше сгинуть мне в бою,
Чем гнуть в поклоне рабском спину!

Рассказ волхва

Сыны предгорий и степей,
Хазары эти простодушны,
Но иудеев воле злой
Они за золото послушны.

Иудаизм!
Свои законы
Он создал для своих жрецов,
Животных, женщин и купцов,
Преступников и мудрецов
Но вне законов этих —
Гои, —
Кому бог дал не тех отцов.

И мы для них — пыль на дороге!
Всего лишь выгодный товар.
Им наша слабость —
Божий дар!
Жестоки к нам их злые боги!

Им ненавистна воля русов,
И Вы, князья, ее оплот.
И Вам каган проклятья шлет,
Готовя тайно участь БУСА.

Не верь, князь, слову их и чести.
За доблесть чтут обман и ложь.
Вонзить готовы в спину нож,
Сложив уста в улыбку лести.

Торгуют с ними новгородцы.
За эту жадность — злая плата:
Заплатим душами за злато!
И с этим, князь,

Нужно бороться!

И берегись, князь,
Их талмуд
Нам не прощает превосходства.
И их идеи первородства
Для нас с тобою —
Смерть несут!

Рассказ крестьянина -
беглеца с юга

Наш князь убит!
И злой судьбы
Не избежал ни жрец, ни воин.
Всех погубил,
Кто был достоин,
Иль продал кесарю в рабы.

Да!
Был наш князь суров и жаден!
Охотами топтал хлеба.
Но жив он был пока,—
Раба
Не знали русского в Царь-граде!

Теперь у нас другой пастух,
Обучен мудрости талмуда.
И убивает тех, иуда,
В ком видит гордый русский дух!

Где серебро возьмут крестьяне?
По гриве да по белке с дыма?
За недоимки дочь и сына
В рабы он тащит на аркане.

Бежать!
Мы пропадем здесь даром!
Уж лучше сгинуть по пути
С женой и малыми детьми,
Чем в рабство их отдать хазарам!
Бежать на Север!
В город Новый!
Там Гостомысловы полки!
Для ненавидящей руки
Найдут там щит
И меч тяжелый!

Очищение

Не зря потратил Рюрик год.
Узнал он много о хазарах.
В лицо запомнил эмиссаров,
Смущавших в городе народ.

Бывают случаи, когда
Кровь проливать необходимо!
Они как шрам неизгладимый
В истории земли родимой,
Ждут нас и Высшего суда.

Враги заслуживают кары.
И право обороны свято!
За ночь управились три брата:
Истреблены были хазары,—
Глаза и уши каганата
И их подручные
Князья
Пролили эту кровь не зря...

* * *

Душа славян не жаждет крови.
И чужд ей промысел ТИРТЕЕВ
Но что тогда спасло нас кроме
Восстанья против иудеев?
Безжалостных, коварных, властных,
Уверенных в кошерном праве
Нас превратить в рабов безгласных
И жить в могуществе и славе,
И превративших Русь в темницу,
И дев!
Впрягавших в колесницу...

* * *

Так, значит, время!
Значит в бой!
Клинки заговорили речи!
Князь попросил собраться Вече:
Звать новгородцев за собой.

И был СОВЕТ...

СОВЕТ КНЯЗЕЙ

Гостомысл

— Предел, назначенный мне Богом,
Я скоро, внуки, перейду.
Неужто рабство и беду
К нам с юга приведет дорога?

Всю жизнь боролся с ними я.
Но слишком много хазар в поле
И некому сражаться боле:
Мои погибли сыновья.

Вы лишь надежда моя, внуки!
Вы море обложили данью.
Все берега под Вашей дланью
Покорности к Вам тянут руки!

Вы молодцы!
И Ваша доля —
Идти вперед, открыв забрало.
Стрелы отравленное жало
Да минет Вас во чистом поле.

Друзья Вам верные варяги.
Проверены во многих битвах.
И Ваши вижу я в молитвах
Над башнями Итиля стяги.

Вы Буса продолженье рода.
И потому самой судьбой
С хазарами на смертный бой
Зовет Вас русская свобода. —

Рюрик

— Призвал нас дед наш, Гостомысл,
С отрядом ленным и наемным
На бой с каганом вероломным,
И в том двойной я вижу смысл:

Один — надежная защита
Наследных, наших с ним земель.
Хазарин ломится к нам в дверь,
Но ведь и мы не лыком шиты!

Сильны не только в обороне
И наши грозные суда
Дойдут по рекам и туда,
Где сам каган сидит на троне!

Другой — для нас святая цель!
Объединение земель,
Где русское всем внятно слово, -
От Балтики и до Азова!

Там перебиты все князья.
Да будет вечная им слава.
Наследовать им —
Наше право!
И отменить его нельзя!

Святой наш долг!
За соль от слез,
На выжженных рубцах дорог,
Взывает к мести русский Бог:
Река и лес и шум берез ...

И нет для нас важнее дел:
За цепи рабские России
Работоргового мессию
Изгнать за южный наш предел!

За поле дикое, за горы!
Загнать за синие моря!
Славян природные князья,
Мы прекратим славян раздоры!

И будет прочен наш союз.
Союз племен славянских вечен,
Землей и силой бесконечен.
Великой станет наша Русь!

Олег

Олег сказал, как отрубил:
— Нам мало, княже, сил пока.
Без новгородского полка
Я б на хазар не выходил.

Но полк нам Город даст не даром.
За вольность Городу навеки
Лишь бабы, старики и дети
Не выступят на бой с каганом.

Да!
Бой наш будет — бой ладей,
И будут реки нам — дороги,
Помогут нам речные боги,
Когда достанет нам людей,

Леса, болота — не дорога
Для конницы хазарской злой.
Река замерзшая зимой
Ведет их к нашему порогу.

А этой коннице корма
Завозят летом в города,
А в путь обратный их суда
Рабами грузятся в трюма.

Вот здесь-то и слабее враг!
Мы ж для ладей гребцов умелых,
Бойцов проверенных и смелых,
Найдем средь верных нам варяг.

И мы возьмем их города!
Имеем опыт в этом деле!
А чтоб зимой к нам лезть не смели,
Построим стены изо льда
Поперек рек,
В лесах — засеки.
И неприступны станут реки!

СОБОР

Вече

На вече — Города пятины,
Пятин различные концы.
За то, чтоб драться, —
Низовые.

За дань хазарам —
Верховые:
Сцепились города отцы:

— Веди нас, князь, на бой!
— В поход!
— Мы победим поганых племя!
— Да будет проклято то семя,
Что породило их народ!
— Торги невольничьи, базары
Попомнят у меня хазары!
— Возьмем богатый там полон!
— И золотой хазарский трон!
— Освободим своих от рабства!
— Не жаль на это мне богатства.
— Чтоб не знали рабства внуки,
Укоротим хазарам руки!
— Богаты города хазар!
— Веди нас, князь,
Кончай базар!

Пятины южные кричали,
Весь городской простой народ:
Варяги, чудь и прочий сброд,—
Великим
Князем величали.

Но были! Были голоса:
— Уж лучше дань платить хазарам
Людьми. Живым, но все ж товаром,
Чем пеплом сыпать в волоса.
— Нам рисковать своим добром,
Ему — всего лишь головою.
— Смириться-то умней с судьбою
— И откупиться серебром!

— Наш Новгород велик, богат.
Гостиный двор, торговый ряд
— Он обещает нам свободу,
Пока готовится к походу
— В тех обещаньях мало проку,
Когда погибнет он до сроку
— А если победит хазар,
То нам опять пустой навар:
Он сам, его сыны и внуки
Отнимут волю, скрутят руки.

Но порешили все же:
— Ладно!
— Хазарам дань платить накладно
— А ты природный княже, свой!
— Веди нас, Рюрик,

Шут с тобой!

— Да честью нам клянись
И родом,
Что волен Город на века
— Даем тебе мы три полка
— Иди на юг
— Дари свободу!

Рюрик

— Спасибо, Вам! Спасибо, люди! -
Растрогано воскликнул Рюрик,
— Спасибо, Вам, от тех рабов,
С кого мы снимем гнет оков.
Спасибо, Вам, от тех земель,
Что под хазарами теперь,
За то, что верите пока,
За новгородских три полка.

Я княжества себе добуду
Там, где сгоню с земель Иуду!
С Вас подати навек снимаю!!!
И Вам навеки обещаю
Я волю!
С Вами иду в бой
Клянусь в том рода я судьбой!
Итилю, Цареграду, Кафе
Мы воздадим долги сполна
Неизмерима их вина,
И крови жаждет бог их Яхве!

ВОЙНА

Смерть Рюрика

И полыхнул войны пожар
Пошли на города дружины
Всесокрушающей лавиной,
Рабы поднялись на хазар.

Кровава живопись войны,
Сурова музыка металла,
Пожаров черные дымы
Стрелы певучей злое жало ...

Убит был Рюрик под Смоленском
И похоронен на Днепре
Курган стоит средь перелесков
В кругу берез, как в серебре ...

ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ

Века хранили клятву внуки
То были разные века
Но правили они —
Пока
Не обагрили клятвой руки ...

Был грозен царь Иван и лют,
Забыл о клятве, данной дедом,
И Новгород он в руки предал
Всегда искательных Малют.

Взошла кровавая заря
Лишился Новгород свобод.
И Рюрика пресекся род
На троне русского царя

Царевич Дмитрий, Федор
Краха
Предотвратить уж не могли
И в тень могильную сошли,
Оставив шапку Мономаха.

Суд высших сил всегда неведом . .
Но!-
Суеверие мое:
Ушел их род в небытие
За то, что клятву деда предал . . .

Вещий Олег

Но шли и шли ладьи по рекам,
Освобождали города.
При сыне Рюрика беда

Уже пришла к надменным грекам.

Все Приднестровье взял на щит
Олег.
И славен тем вовеки
Хазарин от него бежит,
Пред ним заискивают греки.

Великим прозван он недаром.
Олег освободил древлян,
Родимичей и северян
От дани тягостной хазарам.

Пока был Игорь мал, Олег
Брал дань с великого Царьграда.
Был сердцу русскому отрада
На рабства цитадель набег!

Склонился перед ним Царьград,
Сменив гордыню на смиренье,
И в это звездное мгновенье
Олег рабам был друг и брат.

(Царьград возник рабов трудами.
Стена и пристани, и храмы,
И город дивной панорамы
Построен русскими рабами!)

Рабы! Венец беды народа!
Но и Империи — беда!
Особенно в те дни, когда
Пришла с полками к ним свобода!

И с двух сторон окружены
В Царьграде кесаря войска:
Славян могучая река
Бушует с двух сторон стены.

Отметил князь слезы поколений!
Пришел черед платить за слезы!
Перед лицом такой угрозы
Пал гордый город на колени.

Поклялся: Присно и во веки
Рабами русскими торговлю
Отныне он карает кровью!
(В беде на все согласны греки).
Велик Олег! Державной властью
Соединил в боях два моря
Хазарам на разор и горе
Он каганат рассек на части.
При нем же гордый русский стяг

И дома стал хазарам страшен.
Его с Итиля грозных башен
В бессильной злобе видел враг.
Но, главное, Олег рабов
Вернул домой из стен Царьграда
И ПАМЯТЬ — лучшая награда
Для вещего во тьме веков.

Игорь (древний)

Князь Игорь княжил первый год,
Пятьсот ладей послал к хазарам!
Погибли все они не даром,
Но не вернулся в КИЕВ флот!

Его удел был — неудачи . . .[2]
Беспечность гибельна!
Всегда

Расплатой за нее — Беда!
И сироты, и вдовы плачут!

И катастрофы у Царьграда,
И в море дальнем у Берды
Князь вел от горя до беды,
До нищеты, позора, глада

За неудачи князя страха
Вновь натерпелся наш народ
Славян рабов вновь продает
Царьград, Итиль, Багдад и Кафа

Сын Рюрика и зять Олегов
Погиб в бессмысленной борьбе,
Посеяв ненависть к себе
Славян за дружбу печенегов

Но как муж Ольги, как отец,—

[2] Князя Игоря Рюриковича (древнего) преследовали военные неудачи. Много раз гибли крупнейшие военные экспедиции Игоря. Особенно третичными были поражения под Итилем (район Астрахани, — 86 год), где погибло около 50 000 дружинников (50 ладей), у Берды (Дербенда, 86 год), где погибло более 30 000 дружинников и во время морского похода на Царьград (86 год), где погибло более 80 000 русских воинов. По семейным преданиям автора, главной причиной неудач (помимо личных качеств Игоря) была группа хазарских лазутчиков в его ближайшем окружении во главе с варягом Свенельдом, одним из немногих, кому "удавалось" живым и невредимым, а главное разбогатевшим возвращаться из всех неудачных походов. Игорь, кстати, как правило, сам в походы не ходил.

Он в нашей памяти по праву,
В любви двух бьющихся сердец,
Жизнь давший князю Святославу

ОЛЬГА

За гибель Игоря княгиня
Отмстила мелочным древлянам,
Святая ОЛЬГА, мать славянам,
Заступница и берегиня

Славян учила чтить законы
Мир наступил среди племен
Сам император был пленен
Красою Ольги
Блеск короны
Не помутил ее очей

Но Ольгу повлекли примеры
Христиан
И таинствами веры,
И кроткой мудростью речей
Она крестилась

Святослава
Не трогали ее заботы
Война, турниры и охоты—
У сына главная забава

СВЯТОСЛАВ

А с башни сбросил вниз кагана
Внук Рюрика, князь Святослав [3]
Был проклят князь среди хазар
И пал он жертвою обмана

[3]После рождения Владимира, его дядя, брат Малуши (Малки), известный хазарский богатырь Добр (Добрыня) Малкович отдался Святославу в рабство за право воспитывать племянника, вошел к князю в доверие, благодаря своему "бескорыстию". Собирал дань от имени Святослава, все свободное время посвящая воспитанию Владимира. "Приручил" известных богатырей Блуда и варяга Свенельда, впоследствии оказавших ему важные услуги Автор идеи отправить Владимира "княжить" в вольный город Новгород, что вызвало у современников улыбки (Новгород не платил дани), но имело важные политические последствия, — возводило Владимира в ранг титулованного князя.

Но князь сполна вернул долги!
Он Кафу, Семендер, Итиль
Разрушил и развеял в пыль,
В Крыму, Поволжье и Царьграде
Разбил невольничьи торги
Стал редок русский раб в Багдаде!

И Святослава поминая,
Мы чтим великую победу
До нижней Волги и Дуная
Раскинулась страна родная!

Да! Воевал князь Святослав недаром,
И был в борьбе довольно близок к цели,
Он наносил удар им за ударом,
Но как наш враг,—
Хазары уцелели

Сочилось кровью время злое
Вожди в нас щурились с портретов
И из кремлевских кабинетов
На русский люд пошли войною

Часть 2
ГЕНОЦИД[4]

Памяти русских купцов, казаков и крестьян ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ГЕОРГИЯ ЕПИФАНОВИЧА

Не в первый раз над Русью ГЕНОЦИД,
И не впервые гложет нас разруха
Хранители земли! Аристократы духа!
Храните Русь и Бог Вас сохранит,
Когда Вы в первые, почетные ряды,
Не убоявшись смерти и позора

[4]Геноцид — истребление целых групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам, уничтожение языка, религии или культуры, в том числе: уничтожение библиотек, музеев, школ, исторических памятников, зданий, предназначенных для нужд релиозных культов... "Малая советская энциклопедия", 1987 г. (юридический словарь).

Восстанете!
И головным дозором
Народ свой уведете от беды.

Страшна славян постигшая беда!
Страшнее войн и черных эпидемий,
Страшнее всех грядущих нам мучений
Апокалипсиса и страшного суда.

Не за грехи казнил безжалостный палач,
За добродетель,— как за преступленье!
Вновь голод на Руси и запустенье,
Неубраны поля.
И в избах детский плач.

Так было на Руси во времена хазар,
Когда росли рабы, не ведая отцов —
(Народ наш стал беспамятным слепцом),
Так было на Руси во времена татар...

Но каждый раз вскипала чаша слез,
Рождая Рюрика, Пожарского, Донского...
Рождая тех, кому их внятно слово,—
Хранителей земли серебряных берез.

И мстила палачам славянская беда,
И умывала их кровавыми слезами,
И были уничтожены рабами
Хазарский каганат
И грозная орда.

Да!
Первой гибла знать.
На смену ей
Поднимет вдохновенье
Аристократов в первом поколенье,—
Нам выпала судьба
Свой повести народ!

ПРОЛОГ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Вопросы внука

Летели годы. Дни ползли ...
Их проползло с тех пор немало,
Когда узнал я о хазарах,
Насильниках родной земли.

Поведал мне о них мой дед,—
Суровый спутник юных дней,
Наставник совести моей,
Отдавший тюрьмам двадцать лет.

Не раз он поминал добром
Соседа своего по нарам,
Что был опасен комиссарам
Фамильным Рюрика гербом.

И, вспомнив перечень обид
Из завещания соседа,
Спросил я как-то раз у деда:
— А что такое Геноцид? —

Поминальная молитва Деда

Ох, внучек, ранит это слово
Я им почти что и убит,
Святым огнем душа горит,
Когда его я слышу снова.

Унес он миллионы жизней
Всех лучших грамотных людей.
И торжествует иудей
В обезображенной Отчизне.

Привыкли русские жалеть
Униженных и оскорбленных,
Прощали злобой ослепленных,
Копивших русским людям смерть.

Уехав в Мюнхен и Париж
Ругали нас "тюрьмой народов".
"Свобода" их иного рода,—
Не уползешь, не улетишь

Судили их — блюли законы.
Они — стреляли без суда
Мы гибли в "лагерях труда",—
Их радовали наши стоны

Как много образов печальных
Я в памяти своей храню,

Всевышнего за них молю
В молитвах часто поминальных.

Пред ним равны:
Писатель, воин,
Монах, чекист или купец.
Терновый приняли венец,
Покинув нас в земной юдоли.

Давно песцы тела их съели
И ветер кости отделил.
Давно уж холмики могил
Сравняли снег, дожди, метели...

А я
Все помню их живыми:
России верные сыны
В промерзшем царстве вечной тьмы
За вышками сторожевыми.

Запомни:
Это их слеза
Дождем тебе омоет щеку,
Следят за нами издалека
С ночного неба — их глаза,

Пыль на дорогах их тела
И мы по их шагаем спинам,
И как обидно нестерпимы
Им наши мелкие дела!

Друг с другом спорят до сих пор,
Я часто слышу их беседы...
Послушай, внучек, этот спор:

Чекист

Мы не имели роду племени,
Но мы имели револьверы!
И мы считали зовом времени
Примененье Высшей меры!

Задача нам, как поколению,—
Исправить нравственность людей,
Чтоб поступали все по Ленину!
По указаниям вождей!

Все в жизни Высшей мерой мерили,
Нам слово партии — Закон!

И мы горды, что нам доверили
Открыть особый лагерь — СЛОН.

Дворяне, кулаки, купечество
Не уничтожены пока,
Увы! Для счастья человечества
Еще нужны будут ЧЕКА!

Мы не жалели кровь дворянскую,
Искореняли без затей:
Не вырастут, не подворянствуют!
Враги из маленьких детей.

Буржуев наша Революция
Отвергла, как ненужный класс.
"Дорезать?' — будет резолюция,—
Ее исполним как приказ.

За злостный опиум религии
Пусть рассчитаются попы!
Разрушим церкви и реликвии
На поругание толпы.

Чтоб избежать Вандеи напасти,
Мы уничтожим кулака.
Когда Отечество в опасности,—
Рука не дрогнет у ЧЕКА!

Прочь гуманизма ложь абстрактную!
Мы рубим лес,— щепки летят.
Террор возмездия —
Да здравствует!
Я РЕВОЛЮЦИИ солдат!

Дворянин

Мы были соль родной земли,
Ее защита и опора,
И мы ее не сберегли
От пули красного террора!

Все эти "Эксы", "Динамит",—
Казалось — вылечим острогом.
Но это было: Геноцид!
Вернее — его первым слогом.

Казалось нам — в Базеле шутка,
Зря мир пугает вечный жид.
Но шутка обернулась жутко!

Пал на Россию Геноцид.

Шли миллионы под топор:
ЧОН, продотряды и ЧЕКА
Против дворян вели Террор
И истребляли мужика,
Буржуи шли как чуждый класс,
Попы — как "опиум народа"...

"Для счастья неимущих масс!"
Под крики: "Равенство! Свобода."'

Такой не ведала разрухи
Россия до тех страшных дней.
Жирели вороны и мухи
На трупах женщин и детей.

Мы стали пыль родной земли,
Для правнуков своих опора.
Но мы Вам ПАМЯТЬ сберегли
О целях
Красного Террора.

Ужели русские забудут
Уроки этих страшных лет
И братом назовут
Иуду,
Которому прощенья нет?!

Соратник наркомзема Яковлева-Эпштейна

Враги трудового народа!
Вы все здесь сидите не зря!
Из Вас всех достоин Свободы
Один только
Ленинец!
Я!

Два года провел в продотрядах,
Год в ЧОНа суровых частях
Деревни сжигал по команде,
Вбивая в крестьянина
Страх!

Мужицкие грубые руки
Опасно сжимали топор
И нашей марксистской науки
Ответом был
Красный террор!

Казнили подряд!
Без разбору
Заложников брал наш отряд,
Мы их подводили к забору,
Стреляли
Солдат есть солдат

По взмаху руки комиссара
Стрелял я и в детские лица
Дивизия наша спасала
От Голода Вашу столицу

Деревня свое отгалдела!
Поели!
Попили вино!
На наше великое дело
Нам нужны фураж и зерно.

Без Вашего кровного хлеба
Давно бы пропала Страна
А вы все
Березки, да небо,
Да Русь.
Ностальгия, весна...

Мне Ваша печаль незнакома,
Смешны ностальгия и слезы
В строительстве нового дома
На доски распустим березы

Дома Ваши —
Дрянь да солома!
Отроем в земле котлованы!
Из стали, стекла и бетона
Построим дома-великаны!

Воздвигнем фабричные трубы,
Земля — под асфальт и кирпич!
Народ мы реальный и грубый
Так жить завещал нам Ильич

Его исполняя заветы,
Загнали в колхоз мужика
Крестьян победили Советы,—
Теперь наша власть —
На века!

Арест мой —
Смешная ошибка.
Я предан партийной идее.
Какая ужасная пытка

Сегодня мне быть не при деле!

Враги трудового народа!
Вы все здесь сидите не зря.
Из Вас всех достоин Свободы
Один только!
Ленинец!
Я!

Адмирал Колчак[5]

Скажите, где Вы были,
Когда чужие кони поднимали пыль,
Когда кривые сабли головы рубили
И на крови сквозь кости рос ковыль?

Где были Вы, когда на Поле Куликовом
За Русь сражался Инок-Пересвет,
Где каждый третий пал в бою суровом...
Где были Вы, скажите, где Ваш след?

Или на Бородинском поле,
Где смерть за честь была для нас, славян,
Где русский дух сломил чужую волю,—
Вас в прошлом нет! Не клевещите нам!

Чужое, неприкаянное племя,
Так нагло лезущее к нам в учителя,
Кичась прогнившей древностью своею,
Свой путь монетой грязною стеля,

Что принесло ты русскому народу,
Чтобы решать, как нам сегодня жить?
Ты! Паразитствующее сроду,
Теперь желаешь нам законом быть!

Мы для тебя — безродная скотина,
Презренная, как мухи на стекле,
Тебе России прошлое противно,
Но вспомни,
Ты на чьей живешь земле?

Что ж, упивайся всласть талмудной пыли,
Заняв на время наши храмы и места,
Но, помни!

[5]Эти строки написаны адмиралом Колчаком незадолго до его расстрела "интернационалистами" в Иркутске...

Мы не позабыли
Позорного
Предательства
Христа…

Сионист

Удивлены Вы на мой вид?
И потому со мной так грубы?
Я вижу рады Вы, что жид
Свои выплевывает зубы.

Вы здесь большие господа,—
Шестерки лагерные, воры.
Мне много сделали вреда
Ваш русский смех и разговоры.

Так я скажу,— смеетесь зря!
Ведь Вы отправили в расход
Дворянство, знать, семью царя,
Как повелел Вам
Мой народ.

Мы бережем своих царей,
Ведем их род от Соломона.
А вы — казните их детей,
Наследников земли и трона.

Теперь земля Ваша ничья!
Но станет нашею землею,—
Очищенной от мужичья
С его навозом и сохою.

Учителя Ваши в могиле.
Смела их ненавистью чернь.
Их мудрости могильной червь
Внимает в тишине отныне.

Теперь Вы не народ — толпа!
Обречены Ваши святыни
Александрийского столпа
Ваш ангел служит нам отныне.

За мной евреи всей страны.
Меня народ наш греет в зоне.
Вы — даже здесь разобщены,
И Ваш хозяин — вор в законе!

И пошло так с тех пор, и поехало,
Лили кровь на Руси почем зря.
Докатились!
И с малыми детками
На Урале сгубили царя!

Это нам, мужикам, нет прощения!
Жадность грызла, манила земля.
На звезду поменяла крещение
Иудейская клика Кремля.
Латыши, иудеи, острожники
Нас стреножили в этой борьбе
И штыками погнали безбожники
Вместо рая
Всех к рабской судьбе.

Пыль для них мы
И винтики малые.
Рубят лес, значит щепки летят?
И летят от нас щепки кровавые,
Превращая страну нашу в АД!

БОГ —
В державе стал прозвище бранное,
Место правды здесь заняла ложь.
Пустяковым считается главное
И кровавый обычен правеж.

Раскулачили!
Как без родителей
Стали сироты найти поля.
Пала жертвой родная земля
Самозванных кремлевских правителей.

Наши пашни пришли в запустение,
Земля стала соленой от слез!
Мы б пахали,
Хватило б терпения,
Да, видать, перегружен наш воз.

И сейчас всем приходит отмщение,
Стала нам поперек та земля.
И сулит нашим детям мучение,
Еще горше, чем детям Царя.

Кругом вижу я горе народное,
Стало некому сеять и жать,
Надниистся время голодное,
Свиоипеет опричников рать.

И везут меня злые колодники
На пожниву реке Колыме.

Помогите,
Святые Угодники,
Моим детям не сгинуть
В тюрьме.

Эмигрант
(Забытые вопросы)

Где тот,—
Под пломбами, вагон?
Вагон немецкого Генштаба?
А силой взятый царский трон?
А проданный венец Царьграда?

На что смогли большевики
Нанять латышские дружины?
(Как при Владимире штыки
погнали в рай нас, тыча в спины).

Да плюс китайские полки?
В наемники шли миллионы![6]
Как "бедняки" большевики
Себе купили легионы?

И почему среди людей,
Распявших в эти дни Россию,
Что ни спаситель,—
То еврей, Что ни еврей,
То наш Мессия?

Откуда золота река?
На эти скользкие вопросы
Ответ один: расстрел в чека!
Расстреляны великороссы.

Расстреляны интеллигенты
И весь народ пошел под нож!
Их пули — вот их аргументы,
И в "Правде" набранная ложь!

[6] В гражданской войне на стороне Красной Армии участвовало необычайно большое число иностранцев. Их количество оценивается от 300 тысяч человек (В.Кожинов "Правда и истина", Наш современник, N 4, 1988г.) до 5 миллионов человек (В.Филатов "Белые, серые, черные", Красная звезда от 16 января 1988г., Ю.Поляков "Стоит ли гак?" Огонек N5, январь, 1988т.). Интересно сравнение: за все годы гражданской войны в Интервенции стран Антанты из держав "Оси" против советской власти принимало участие в сумме не менее 250 тысяч человек (Военно-энциклопедический словарь, Москва, Воениздат, 198бг.). Особенно интересны свидетельства очевидцев: И.Бунина "Окаянные дни" и Шульгина "Что нам в них не нравится". Так с чьей же стороны шла интервенция?

А выгоден кому был Брест?
Неужто думаете — немцам?
Да на проливах этих крест
Был нужен всем!
Всем иноземцам!

И в этом гений Ильича.
Он был уверен в их поддержке
Хотя, конечно, сгоряча
И были мелкие издержки.

Сравните их Базельский план[7]
С тем, что сегодня получилось.
И Вы увидите обман,
И станет ясно что случилось.

Зачем им нужен Геноцид?
Зачем убийства лучших Гоев?
И почему весь мир молчит,
Когда здесь льется столько крови?

Вам станет ясно почему
Гнием мы с Вами в этих зонах?
Да!
Объяснение всему:
В их
Талмудических законах!

Старый большевик

Я здесь сижу четвертый срок.
Три при царе. Один сейчас.
Такой нечаянный урок
Мне преподал рабочий класс.

Великий класс, класс гегемон,
Класс пролетарской диктатуры.
Авроры пушек грозный гром
В игру ввел новые фигуры,

[7]Имеются в виду протоколы первого в мире всемирного конгресса сионистов в Базеле в 1897 году. С.Пен "Первый Всемирный конгресс сионистов в Базеле" (полный отчет), Одесса, 1898г дополненное переиздание этой книги в том же году в Санкт—Петербурге). Особенно интересны комментарии к этим документам св. Иоанна (Кронштадского), .канонизированного в 1990 г. Не следует путать с "Протоколами сионских мудрецов", фривольным литературным пересказом документов конгресса. Впервые изданы группой сионистов в Париже в 1899г, с целью мистифицировать истинные документы.

Друзья, соратники в борьбе
В те дни мы были в упоеньи.
Из эмиграции к тебе
Слетелись все, великий Ленин.

Враги сильны как Голиаф,
Мы,-
Как Давид неустрашимы.
"Мятеж" эсеров и их крах —
Путь к достижению вершины.

Мы знали: выборы нам смерть!
Наш шанс — гражданская война!
Нам было некого жалеть
И нас устроила цена.

Пеняют красный нам террор,
Как преступленье. Геноцид!
Зато мы выиграли спор!
И взяли власть!
А Бог?
Простит.

Как жизнь казалась нам прекрасна
Средь дачной роскоши. В Крыму.
И вдруг все рухнуло. Ужасно!
Нас всех отправили в тюрьму!

Как это дико! Как нелепо!
Бьет по своим Иосиф Сталин!
Я выполнял приказы слепо
И перед партией кристален!

Друзья у Сталина от века:
Зиновьев, Каменев, Бухарин.
И нет надежней человека
У нашей партии, чем Сталин!

Еврей! Товарищ! Коммунист!
Всегда синонимами были.
А грязный русский шовинист
Имел один лишь путь —
К могиле.

Но вдруг! Призвал Ежова Сталин.
И стало все наоборот:
Зиновьев стал вдруг Апфельбаум,
Преступником стал Раппопорт.

Еврей вдруг стал космополитом,
А шовинист стал патриот!

Ежовым, палачем, бандитом
Был совершен переворот!

Эпштейна! Френкеля! Ягоду!
Какие это были люди!
В Державе делали погоду.
Ежов все наше дело губит!

Он вывел Сталина за стену
Железных, верных нам людей,
Вождем назвал шакал гиену
И сделал первым из вождей!

Но!
Слишком велика услуга.
Она опасней, чем вина.
И смертный приговор для друга
Ее в истории цена,

И утолит палач и Каин
К убийствам низменную страсть.
И не простит Ежову Сталин
Ему подаренную власть.

Но!
Как и бек хазар когда-то
И сам умрет в урочный час.
И снова слуги каганата
На пьедестал поднимут нас!

Старик сумасшедший

Видишь? Бархатная книга...
Тихо!
Все в ней мертвецы.
Пали первой жертвой
Ига
Рода Русского отцы.

Дети, матери их, жены
Казнены
Иль съел их Голод.
Сорок лет шли похороны.
Торжествует серп и молот.

Есть на Белом море остров.
Там кровинушка моя.
Слышал я,
Что там не просто

Трудовые лагеря.

Перековывают веру
У детей там и монахов
Иноверцы изуверы
Пулей, голодом и Страхом.

Слыщишь,
Как звенят их цепи?
На страницах книги кровь!
Это маленькие дети
В самой страшной из неволь!

Тихо!
Не спугни!
Их души
Копошатся между строк.
Помолюсь,
А ты послушай,—
Вдруг ответит мне
Сынок?

Рассказ капитана

Я шел норд-ост. Была зима.
Монахов вез в трюмах на муки.
Охрана мучилась от скуки.
И был мой пароход — тюрьма.

Я помню, был тогда обед,
Когда узнав координаты,
Мой замполит, брюнет пархатый
Мне в сургуче подал пакет.

Я вскрыл пакет. Там был приказ:
При рандеву открыть кингстоны,
Попам устроить похороны.
Эсминец встречный снимет нас.

Я каюсь! Молод был, бездумен!
Как молодые все — жесток.
Я сам открыл кингстоны в трюме
И ледяной впустил поток.

Команда села на баркас,
А я, как пишется в романах,
Про долг последний капитанов,
По судну шел в последний раз,

Я ждал, что паника там будет,
Когда раздался крик: "Вода!
Мы тонем, братия, беда!
Спаси, Господь! Спасите, Люди!"

Вдруг чей-то голос скорбно, строго
Призвал к причастию монахов,
Послушников, седых экзархов
Во тьме железного острога.

За ним завел второй монах,
И третий подхватил тотчас,
И редкой силы трубный бас
Запел торжественно в трюмах...

За нас молились в смертный час
В трюмах от носа до кормы,
В храм превратившейся тюрьмы,
В последний раз. В последний раз!..

Осел у парохода нос,
А хор молился все за нас...
Когда садился я в баркас,
Не подал руку мне матрос
И был какой-то жуткий смысл,
В том, что почуяв смертный час,
Спасаясь с судна, сотни крыс,
За мной попрыгали в баркас...

Водой залило первый трюм.
И стали тише песнопенья.
Молили морякам спасенья,
Воды перекрывая шум.

Потом умолкли во втором.
Но выводили: — Аллилуйя! —
Чему-то радуясь, ликуя,
Монахи в трюме кормовом...

Потом умолкли и они!
И только чей-то голос детский
Звенел:— Святой заступник. Невский!
Воспрянь! И Русь оборо...

Тут, словно лопнула струна!
Для русских — эта память — свята!
Их было — тысяча два брата
И миля восемьсот до дна...[8]

[8]Эту исповедь автор записал в 1972 году во Владивостокской церкви на Океанском проспекте (снесена в 1975г.) со слов бывшего капитана, пенсионера, каявшегося в своих грехах и пытавшегося их замолить. Аналогичный случай имел место в Белом море, где была затоплена баржа "Клара" с заключенными СЛОНа (Московские новости, 43, 23 октября

Он звал: — В последний, смертный час
Сплотимся, братия, в молитве,
С антихристом в священной битве,
Он губит тех, кто губит нас.

Их души ждет за этот грех
В геене огненной мучения!
Мы примем смерть, как искупленье.
Нас примет тот, кто судит всех!

Философ

Слепа, бездумна пламенная страсть.
И нет прощения без покаяния.
Нет Совести без наказания,
Преступна безответственная власть.

Кто к ней стремится властью демагога
Всем людям обещая рай земной,
И за него толкая в смертный бой,—
Тот метит за земле на место Бога!

Его мечта — стальная диктатура,
Перед которою весь мир дрожит.
И средство диктатуры — Геноцид,
В его игре — обычная фигура.

Как конкурента оттолкнет он Бога.
И назовет преступником святого.
А честь его — лишь звук, пустое слово,
А жизнь его — за власть свою тревога,

Слепа, бездумна пламенная страсть.

Писатель

Я не умер с голоду, как Блок,
Предо мной — не Гумилева стенка,
Как Сергей Есенин я не смог,
Письма не писал, как Короленко,
Не бежал как Бунин и Куприн,

1988г.) С 1935 по 1954 год капитан отсидел за "разглашение" этой истории в системе ГУЛАГ по статье "за государственную измену".

Не вернулся как Толстой и Горький,
В сказку не сумел уйти как Грин,
От кошмаров страшных сказок Тройки.

Я пытался жить, имел семью,
Боже упаси вздохнуть в обиде.
Позабыв профессию свою,
Каменно молчал о Геноциде.
Значит, зря робел я и молчал!
Значит, зря не написал что надо!
Значит, зря я дался палачам!
Значит, зря мне смерть теперь награда.

ЛАТЫШСКИЙ СТРЕЛОК

Латыш за золото послушен,
Неустрашим и деловит.
Прикажут — старый мир разрушит,
Прикажут:" В бой!" — Он победит
Стрелять прикажут — расстреляем.
Молчать прикажут — помолчим.
Вы от России растеряли
Давно уже ее ключи.

Не любит русский дисциплину.
Не зря же русские князья
В лихую для себя годину
К нам обращались,— за моря.
Еще Владимир,— Ваш креститель
Нас нанимал (к Вам на крещенье).
И Ленин нанял — Ваш учитель —
Вас обратить в свое ученье,
Отвергнуть все, что Вы любили,
Князей убить, как в старину,
Чтоб Вы друг друга истребили,—
Начать гражданскую войну .

Двадцатый год — год перелома:
Бесплатно служит пусть дурак.
Нашлись дела у нас и дома,
И там мы свой подняли флаг.
У Вас остались командиры:
Вот Берзин, Лацис, Петерс, Стучка ...
У них прекрасные квартиры
И генеральская получка.

А я вернулся в отчий дом,
На деда с прадедом надел.

Но как болезнь! Как страшный сон!
Забыть не мог кровавых дел.
Надеялся, — нас минет это,—
На растерзанье палачей
Не отдадим страну Советам
Под нож парадов и речей.

Но видно грех велик и страшен,
Разверзлась русская могила
И Вы победным вышли маршем
На берег Рижского залива ..
И нас сломила Ваша сила!
Меня! Латышского стрелка!
К преступникам и дезертирам
На смерть отправила ЧЕКА!

ЧЕРНОСОТЕНЕЦ

Мы помним все!
И точен наш подсчет!
Зря на забывчивость надеются евреи.
Наш меч голов повинных не сечет,
Но пусть они мечу подставят шеи!

Кипит, бурлит славянская страна!
К возмездию взывают миллионы!
За раскулачиванье, тройки, трибунал,
За голод, за заложников, за зоны!
За рабский труд, убийства, геноцид
Еще возможно вымолить прощенье!
Прими, пока не поздно,
Вечный Жид,
Тропу тернистую Христова Искупленья

Вся наша кровь!
Проклятие твое.
Ее ты не отмоешь, не обманешь!
Отбрось талмуд, как грязное тряпье!
И в мире
Равным среди равных станешь!

Пока еще не поздно, кайся Жид!
Одно тебе спасенье —
Покаяние.
Покаявшись — познаешь жаркий стыд
За все свершенные тобою злодеянья

Отринь расчет на силы торжество

Оставь всемирного владычества химеру!
Забудь языческое,
Злое божество.
Последуй христианскому примеру.

И принеси на жертвенный Алтарь
Свою Гордыню,
Ненависть,
Жестокость!
И примет жертву ту
Небесный царь,
И путь тебе откроет
через пропасть.

ДЕДУШКА

Прерву на этом исповедей ряд.
Ведь миллионы казнены в те годы.
Но не убиты генетические коды
Они в тебе, мой внук, заговорят.

Подскажут выход в трудную минуту,
Кто друг тебе, а кто смертельный враг,
Помогут превозмочь усталость, страх,
Боль сердца и души мятежной смуту

Душа твоя не примет Геноцид,
И станет с этих пор в цветах контрастна,
К истории Отечества причастна,
И палачам убийства не простит.

Познает ненависть и будет жаждать мести,
Услышать палача предсмертный стон,
Как высшей справедливости закон,
От имени всех жертв!
Как долг фамильной Чести!

И помни! Не найдется человека,
Кроме подонков, палачей, фашистов,
И нелюдей в обличье сионистов,
Кто стал бы защищать убийства века.

А были и такие. Ликовали.
И радовались казням, произволу,
И Беззаконию "как высшему закону",
И прямо к Геноциду призывали.

И упиваясь, празднуя победу,

"Всех, кто не с нами"
Насмерть забивая,
Запели слуги и сыны Синая,
Глумясь над русским языком и верой дедов.

Послушай, внучек, что они запели:

Л. М. Каган

Это ж надо, какой ужас!
Русским людям — смерть кругом!
Над страной вороны кружат,—
Вот погром! Так уж погром

Стал народ наш комиссаром.
И в борьбе за новый мир
Шляпник, ставший генералом,
Генералов победил!

* * *

Долой историю России!
Долой историю царей!
Пришел израильский мессия
Отметить за слезы матерей

Пусть слез тех не было в помине,
Мы скажем были!
И Шабаш!
Достоин говорить отныне
Лишь тот, кто доказал, что наш

Чтобы молчало гоев стадо,
Их вожаки пойдут под нож!
Для сердца моего отрада
Их видеть массовый падеж.

Чтоб покорить страну, не нужно войск и пушек
Достаточно детей поднять против отцов.
Гражданскую войну безумный сын послушно
Начнет, чтобы изведать Сиона гнет оков.

Естественно, ему сулить нужно свободу,
И близкий рай земной, и царствие труда
И он убьет отца! Тем миражам в угоду
И станет нам рабом Навеки! Навсегда!

Э.Багрицкий [9]

По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!

Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
"Выгребай-ка из канавы
Спрятанное жито"!
Ну а кто поднимет бучу —
"Не шуми, братишка!
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять и крышка "
Чернозем потек болотом
От крови и пота

Шрагин

Что русским в этой тюрьме сквернее всего, так это логично справедливо.

Плющ

Ненормальным мне кажется подсчитывать, кто, на сколько процентов сделал пакостей русским за тысячу лет.

Б. Хазанов

Заменив вакуум, образовавшийся после исчезновения русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией. При этом, однако они остались евреями.

[9] Отрывок из поэмы "Дума про Опанаса"

Е. Евтушенко

Патриотизм — последнее прибежище подонков.

Д. Алтаузен

О! скоро ли рукою жесткой
Рассеюшку с пути столкнут?

* * *

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.

* * *

Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно Нам
Двух лавочников славить
Их за прилавками
Октябрь застал.
Случайно им
мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь,
Они спасли Рассею!
А может лучше было б не спасать?

В.Маяковский

Сына?
Отца?
Матери ?
Дочери?
Чья?
В людоедстве очередь?

* * *

Левой, левой, левой
Разворачивайся в марше,
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы,
Ваше слово, товарищ маузер!

* * *

Товарищ Ленин,
Я Вам докладываю
Не по службе,
А по душе.
Товарищ Ленин,
Работа адовая
Будет сделана
И делается уже.

Дедушка: — Прервусь тут.
Страшно это, внук.
Я слышу в ритме их стихов
И молотков по гробу стук,
И музыку гробовщиков —

Внук: — Но, дедушка!
Нам все известно
Про гнев кремлевского вождя
Евреи жертвами репрессий
Ведь громче всех зовут себя —

Дедушка: — Ох, внучек, внучек!
Эта тема...
Запретна до сих пор для гоев.
Евреи — авторы устоев.
И ими создана Система.

Считают жертвою невинной?
А что ж они? Блюли законы?
Когда с жестокостью звериной
Людей казнили миллионы!

Где тот рубеж? Та грань раздела?
Врагов и жертв? Чека и палачей?
Под номером каким откроем дело

О казни в восемнадцатом детей?[10]

В державе были выше Бога:

Бланк, Джугашвили и Бронштейн,
Берг, Каганович и Эпштейн,
Нахамкес, Мехлис, Френкель, Коган

Игуда, Берия, Эрнштейн,
Юровский, Хаммер, Губельман,
Штерн, Бонч-Бруевич, Эйдельман,
Брик, Ульрих, Гринфельд, Эдельштейн

Гальперин, Радек, Тобинсон,
Сольц, Ланде, Авербах, Киршбаум,
Коротич, Гинсбург, Апфельбаум,
Кобзон, Иоффе, Перенсон ...

Шварц, Берман, Шварцман, Мейер, Блох,
Надь, Фишер, Вайсбарт, Эйзенштейн,
Ильф, Блюмкин, Эренбург, Ванштейн.

Так было! ГЕНОЦИД – ИТОГ!

Страшнее оборотни были,
Присвоив наши имена,
Как русские
О, времена!
Они безжалостно судили:

Каверин, Резник, Войков, Ларин,
Арбатов, Яковлев, Свердлов,
Дзержинский, Пятницкий, Сарнов,
Петров, Зиновьев, Троций, Сталин...

Бакланов, Евтушенко, Родов,
Раскольников, Кольцов, Дыбенко,
Шатров, Лакшин, Белобородов,
Урицкий, Каменев, Крыленко...

Раковский, Рыбаков, Крестинский,
Лелевич, Пятаков, Ногин
Дан, Голощеков и Ильин,
Воейков, Рывкин, Либединский...

Кто обвиняет в шовинизме

[10]О расстрелах детей евреями — большевиками см .например И.А Бунин "Окаянные дни", В.Г.Короленко "Письма Луначарскому" (Новый мир, N 10, 1988 г.), В.И.Солоухин "Почему я не подписал это письмо?' (Наш Современник", N 12, 1988 г.) Я.М. Свердлов с супругой "Декрет о расказачивании"(ВЦИК,1918г) и др.

Славян измученный народ,—
Палач тот и преступник тот!
Смертельный враг моей Отчизне

Кто обвиняет в шовинизме
Славян измученный народ,
Пускай причины все сочтет,
За что славян лишали жизни:

— За то, что дорожат трудом,
Не отдавали хлеб свой даром,
И продотрядам, как татарам,
Платили кровью и зерном.

— За то, что кровным капиталом
России умножали силы,—
Купцы, заводчики, банкиры,—
Все пали жертвою хазарам.

— За то, что помнили свой род,
За то, что первые славяне,—
Все уничтожены дворяне
И вновь осиротел народ,

— Защитники души христиан:
Священники, дьячки, монахи,—
Погибли в ссылке и на плахе.
И в душах торжествует хам!

И еще живы палачи,
Наследники их, дети, внуки...
Испачканные кровью руки
Нам зажимают рот:
— Молчи! —

Молчи о преступленьях века!
Они защищены цензурой
И сионистов диктатурой
Их "правда" —
Полуложь, Калека!

Молчи о бедствиях славян:
У нас ведь дружба всех народов.
Индейцев защищай свободу
Забытых богом дальних стран.

Не помни!
Судят нашу Память.
Клеймят фашизмом, злым пороком.
Нас, искалеченных уроком,
Манкуртами хотят оставить.

Весь на беспамятство расчет!
Чтоб избежать за кровь возмездия!
Но преступлений их созвездия
Мы помним все наперечет:

К войне гражданской, как к спасенью,
Большевики вели не зря.
Пал на идеи Октября
Расстрел детей кровавой тенью.

Она была необходима
Тем, кто мечтал в державе власть
Навеки у славян украсть.
И третьего не стало Рима .

Что совесть им была, закон?
Расстреливались даже дети!
Зовут забыть расстрелы эти?
Зарос травою страшный СЛОН?

Но в этом именно ИСТОКИ
Тех сорока кровавых лет,
Непоправимых, страшных бед,
И нам, оставшимся — УРОКИ!

В семнадцатом! — Концлагеря,
Декретом Ленина — Цензура!
На смерть погнала диктатура
Весь двор, всю знать, семью Царя.

Цареубийства год. Станицы
Костьми усеяли поля.[11]
Стонала Русская земля
Под властью Свердлова — убийцы.

Все местечковые портные
Пошли в Советы и ЧЕКА.
Синонимом большевика
Стал бундовец, еврей отныне,

Год девятнадцатый. Разверстка!
ЧОН! Продотрядов страшный сон
И мужиков предсмертный стон:
"Стелили мягко. Спится жестко!"

Двадцатый. Под шумок войны
Уничтожались миллионы.
Дворян как класса похороны

[11] Имеется в виду Геноцид против казачества, начатый после опубликования декрета ВЦИК о "расказачивании", подготовленного (в семейном кругу Свердловых) и подписанного Я.М. Свердловым в 1918 г.

(Бежали или казнены).

Брал Апфельбаум на расстрелы
В залог (о, нация!) детей,[12]
Жен, стариков и матерей,—

Мятеж Кронштадта. Двадцать первый!
Владивосток, Кавказ, Тамбов...
Землячка, Фрунзе, Уборевич,
Якир, Дзержинский, Бонч-Бруевич
Нас усмиряли, как рабов.
Год людоедства! Страшный голод.
И как подачу — на семь лет
Мир заключили серп и молот:
Налог деревне, стране НЭП.

Двадцать второй. Расцвет комчванства.
Бронштейна-Троцкого "триумф".[13]
Светильник Тихона потух
И в церкви правит самозванство.

Двадцать восьмой. Убийство НЭПа.
И в индустрии первый шаг.
"Гуманность, если рядом враг,—
Учили "Правда" нас,— нелепа."

Двадцать девятый. Казни, ссылки!
Тридцатый. Казни, лагеря!
Каналы на крови, моря,
Магнитки, ГЭСы и Бутырки.

Эпштейн погнал крестьян в колхозы,
Ягода, Френкель — в лагеря.
Союзники в войне Кремля
С Россией —
Голод и морозы!

Особо вспомним тридцать третий!
Вновь людоедства страшный год.
Кто нам за эту кровь ответит?
Чей богом избранный народ?

Для мира были эти беды,—

[12] При подавлении Кронштадского мятежа Зиновьев-Апфельбаум правивший Левинградом, расстреливал заложников (в том числе детей).

[13] Имеется в виду сокрушительное поражение возглавлявшихся Троцким войск при вторжении в Польшу (под лозунгом: "Даешь Варшаву! Даешь Париж! Даешь мировую революцию! ")

Костлявый призрак коммунизма.
Ответом было — взрыв фашизма
И его легкие победы,

В тридцать четвертом — паспортами
Штемпелевали наш народ.
Клеймили как рабочий скот
И обращались как с рабами.

А тех, кто сохранился чудом
По городам и лагерям
Из кулаков, купцов, дворян
Искал и добивал Иуда.

Тридцать седьмой был многолик.
Впервые по сынам Синая,
Убийц заслуги не считая,
Прополз кровавый маховик.

Ежов казнил всего два года.
Был первым русским палачом.
Друг Сталина. И нипочем
Ему был возраст, пол, порода.

Тогда евреев ждали в лагерях[14]
И были рады зэки этим встречам.
Отведайте и Вы!
И каждый вечер
Ко сну их провожал животный страх.

Над ними грянул первый гром.
Лишь тысячи сынов Синая
Убиты. До сих пор стенают
Они о том, тридцать седьмом.

И эти краткие два года — вот порода!
Они порочат как вселенскую беду.
Но в этих плачах я ни слова не найду
О страшных муках русского народа.

Тридцать восьмой. Ежова год.
Он полностью тогда прозрел.
Но, о безумец! Он посмел
Задеть Кагана грозный род:
Сам Каганович "шел" по делу!
Но Сталин защитил Кагана.
Ежова, друга, Ветерана
Он сам приговорил к расстрелу.

[14] Например, воспоминания Ю. Разгона.

И вот итог: за двадцать лет
Погибло сорок миллионов.
Земля славян исходит стоном
И палачам прощенья нет!

Нас как в Америке индейцев
Согнали с собственных земель.
И как индейцы мы теперь
Батрачим у землевладельцев.

Вопрос земли: Вопрос вопросов!
Ради нее вся эта кровь
Пытаются хазары вновь
Прибрать к рукам великороссов.

Дождемся:
Пропоют нам: "Братья!
Зло долго помнить некрасиво!
Поделим землю справедливо,[15]
Забудем распри и проклятья.
Кто виноват, что наши деды,—
Романтики (а не злодеи)
Казнили Вас ради идеи?
Нам пользы нет от их победы..."

Тридцать девятый год. Война!
И снова страшные потери,
Снаряды, пулеметов трели
Косили наши племена.

Кто скажет, что его народ
Страшнее пострадал в войне,—
Тот непорядочен вдвойне —
Палач в душе, славянофоб

Подсчет процентами — обман!
Игра погибшими людьми:
Равняют ценностью они
С одним своим — сорок славян.

И в то же время, та война
Славян от страха разбудила.
Нам стало ясно:
Наша сила
В том, что едины племена.

[15] Именно эту песню поют сегодня сторонники частной собственности на землю, соратники М.Горбачева и Б.Бльцина, внуки революционных романтиков, все эти Яковлевы (якобы), Поповы, Лужковы, Гайдары, Евтушенки, Черниченки и иже с ними

В том, что злодеям не с руки
Любовь навязывать и братство.
Что наше главное богатство —
Патриотизм и мужики.

А казни шли и шли в черед:
Кто в оккупации, в плену
Случайно пережил войну,—
Пошли на каторгу, в расход.
Все так же Берия свирепо
После войны казнил славян.
Но виден стал уже обман,
Уже не верили так слепо.

Сорок восьмой год. Год измены.
Предательства евреев год.
Страну разрушивший народ,
Стал покидать России стены.

Но совершался поворот!
Измена! Ложь! Неотвратимо
Гнев направляла властелина
На "Богом избранный" народ.
Хитер был замысел тирана,
Готовил Геноцид детально,
Ему казалось — все реально,
Но обмануть не смог Кагана. —

Заседание Политбюро 1953 год

Сталин:
— По информации друзей
готовят заговор евреи.
Каганович:
— Я думаю крепка та шея,
Что так клевещет на людей.
Берия:
— Мы все, конечно же, проверим,
И негодяи не уйдут!
Не только пряник, но и кнут
Мы для таких людей имеем.
Сталин:
— Я Вас не понял! Это бунт?
Маленков:
— Нет! Нет! Злодеи не уйдут!
Сталин:
— Пора. Уж начали стареть
Мои орлы в Политбюро.

Берия (про себя):
— Ах ты, тюремное мурло!
Тебе недолго здесь сидеть!
Хрущев:
— Товарищ Сталин очень прав!
Булганин:
— Укоротим евреев нрав!
Маленков:
— Необходима кадров смена!
Там, где евреи, там — Измена!
Молотов:
— Пора нам подвести итоги:
Теперь их не спасут и Боги!

И умер в нужный час владыка.
Для всех и до сих пор загадка
Природа странного припадка,
Но разгадать ее —
Поди-ка?

Традиций царского дворца
Не смог преодолеть и Сталин.
Еще Борис был Так представлен[16]
На суд Всевышнего Творца.
Год смерти Сталина. Смятенье.
Лаврентий Берия в цене.
России снилось в страшном сне
Его грядущее правленье.

Он рвался к шапке Мономаха
Стук ночью в двери,
Тюрем ад!
Но Жуков,— маршал и солдат
Освободил страну от страха

Хоть и не кончился кошмар,
Но можно подвести итоги:
Пустяк в сравнении, о Боги!
Резня монголов и татар

Славян за триста миллионов
Должно бы быть у нас в стране
Мы половину сатане
Скормили в жертву. Жертву Гоев

Мы заплатили эту цену
И вновь нам обещают рай?!
И вновь кричат;— Давай! Давай!

[16]Борис Годунов (так же был отравлен а Москве).

Те, кто готовит нам измену.

Как смеет Тать! Палач! Опять
(И внук, наследующий дачи,
А значит и доход палачий)
Нас в шовинизме обвинять?

Кто обвиняет в шовинизме
Славян измученный народ,—
Палач тот! И преступник тот!
Смертельный враг моей Отчизны

Внук: —

Терзали душу слова деда
Сжималось сердце от тоски
И стискивал я кулаки:
Откуда русским эти беды?
Перечеркнула нам пути
О рае на земле химера
Страшнее этого примера
В истории и не найти...

— Скажи мне, дедушка, любовь,
Как жизни высшая награда,
Была ли в этом царстве ада,
Неволи горькой из неволь?

Дедушка: —

Как высший подвиг христиан
Встречал я, внучек, и нередко
Любовь в ГУЛАГа грязной клетке,
Где гибли тысячи славян.

В рассказе мрачном капитана
Монахи гибли. Вот они
Пример нам истинной любви
И совести больная рана.

Любви?
Любовь была награда.
Для ЗЭКов тоненькая нить,
Дававшая нам силы жить
И душу защитить от смрада.

В полярном царстве льда и тьмы
На дни считая жизни сроки,
Мы о любви шептали строки,
Забыв об ужасах тюрьмы.

Послушай эти строки, внук,

В них есть печаль и благородство.
И жжет трагическое сходство
Протянутых в пространство рук...

Поэт

— Если тебе грустно,— приходи!
Грусть твою развею нежной ласкою.
Если тебе скучно,— приходи!
Скуку прогоню я доброй сказкою.

Если тебе больно,— приходи!
Боль твою заговорю заклятьем.
Если тебе страшно,— приходи!
На врагов твоих нашлю проклятье.

Если не любила,— приходи!
Я тебе любви открою тайну.
Если изменила,— приходи!
И поймешь,— ошиблась ты случайно.

Если вдруг ревнуешь,— приходи!
И поймешь,— ревнуешь ты напрасно.
Если сердце есть в твоей груди,—
Не играй! Играешь ты опасно.

Если одиноко,— приходи!
Мы с тобой вдвоем не одиноки.
Слышишь как мне больно,— приходи!
Кровью истекают эти строки!

Умирал в горячечном бреду,
Звал любимую сокамерник сосед.
Но почувствовало вещее беду,—
Приподиялся и воскликнул:

— Нет!

Никогда сюда не приходи!
Люди здесь суровы и жестоки.
Вместо сердца — камень в их груди,
Нас здесь искалечили пороки!

Рабочий

Чайник. Ржавая селедка.
Накрахмаленная скатерть.
Твоя легкая походка
И в божнице Богоматерь.

Гукает сыночек в люльке,
Белоснежное белье.
Путаются ноги в юбке...
Счастье! Солнышко мое!

Прилетел бы вольной птицей!
Да где крылья мне найти?
Долетел бы вольным ветром!
Горы встали на пути...

Мы молились вместо Бога
Революции, труду..
Трудимся...
Во тьме острога.
Как язычники в аду.

Офицер, буржуй, священник,—
Мы здесь пайками равны.
Счастью своему изменник
Я был враг своей страны!

Если Бог дарует силы
Пережить мне лагеря,—
Я вернусь к тебе, любимой,
Счастье, ладушка моя!

Князь

Я тоже горд!
Я русский лорд!
Пусть я живу в тюремном хламе,
Моей души беспечный флот
Уже отплыл к прекрасной Даме.

Одели в грязное тряпье
И сняли кружева Брабанта...
Пусть будет все, как суждено!
Умру я нищим.
Пожил франтом.

Крепки тюремные замки
И давят каменные своды.
Но я искал твоей руки
Не через стены,

Через годы!

Мне сорок два.
Да трын-трава!
Всего полжизни прожито.
И что людская мне молва,
Когда мне всех дороже ты?

Любовь — сраженье двух сердец.
Здесь победителей не судят!
Пускай он шут! Глупец! Подлец!
Но побежденных здесь —
Не любят!

Так значит в бой!
На абордаж!
Сарынь на кичку!
Кортик в зубы!
—Покорнейший слуга я Ваш,—
Последнее, что шепчут губы.

Палач отнимет жизнь и Честь,
Но он любовь отнять не в силах,
Пока свобода мысли есть,
И кровь пока струится в жилах

Я сберегу
Любовь свою
И не отдам ее без бою.
Пока живу — тебя люблю!
А ты умрешь —
У мру с тобою!

Крестьянин

Ты помнишь, родимая, первый покос?
И нашу черемуху в темном логу?
Не нужно, родимая, охов и слез.
Я жив еще. Выживу. Если смогу.

Как наша телушка?
Ходила ли в стадо?
И будет ли в этом году молоко?
У батюшки сено скоси за оградой.
На дальний покос не ходи – далеко.

Детишек учи.
А в особицу Ваню.
Он ловок к наукам.

Глядишь, выйдет в люди.
Я доктором Ваню увидеть мечтаю...
А если не так, то учителем будет.

Отправь его в город к сестре моей Кате
Пусть в школе не знают, что я здесь сижу.
Из синей рубашки Анюте сшей платье,
Смотри, чтобы Прохор не сдвинул межу,

Картошку займи для посадки у Кати.
Ее в городских магазинах полно.
Сади, сколько можно
Помогут и братья
— А Прохор,— скажи им,— сексот и говно

Смотри там!
Но если вдруг выпадет случай,—
Найдешь человека,—
Сходись с ним, не жди.
Родимая,
Сердце обидой не мучай!
Не шутят с такими как я здесь вожди

Поручик

Мадам! Тихо падают листья,
В их шорохе слышу беду.
Мадам! Ваше сердце так близко!
Я сделаю шаг — и войду.

Мадам! Моим клятвам не верьте.
Они лишь слова. Ритуал.
А верьте Вы детям и смерти,—
Ее этот мир повидал!
Ее этот мир повидал...

Палач с южно-русским акцентом,
Проворный одесский еврей
Меня убивал по рецептам
Религии страшной своей

Зарезан я был и расстрелян
В кровавом двадцатом году.
В конюшнях, что строил Растрелли,
Я умер в тифозном бреду.

Казнен был в казармах Крондштадта,
Замерз в Соловецком СЛОНе,
И пулей любимого брата

Убит на гражданской войне.

Но каюсь!
Бориса и Глеба
Я проклял пример на века.
Умри я —
Россию бы предал.
Жива она,— жив я пока.

И каюсь! Стрелял всегда первым!
А сам, как мишень на виду.
И я пригожусь в сорок первом
России, попавшей в беду
России, попавшей в беду.

Сменю я фамилию дедов,
Смешаюсь с голодной толпой,
Мадам, я Россию не предал,
Хотя и враждую с Чекой.

История спор наш рассудит.
Чем я рисковал? Чем они?
И скажут мне русские люди:
— Фамилию внукам верни! —

Дождусь, назовет меня братом,—
Палач Джугашвили в мольбе.
Пройду пол-Европы солдатом,
Россию оставив себе.
Россию оставив себе.

Хожу я по лезвию бритвы.
Здесь кровь проливают рекой.
Хранят меня Ваши молитвы.
Мне рано еще на покой.
Мне снятся любимые внуки.

Мы счастливы будем, мадам!
Вернусь я из этой разлуки
И Вас никому не отдам.
И Вас никому не отдам.

Мадам! Уже падают листья
В заброшенном нашем саду.
Мадам! Ваше сердце так близко!
Я сделаю шаг и
Войду?

* * *

Запомни!
Это их слеза
Дождем тебе омоет щеку

Следят за нами издалека
С ночного неба
Их глаза!

Пыль на дороге — их тела,
И мы
По их шагаем спинам!

И как обидно нестерпимы
Им наши мелкие дела...

* * *

О! Русская земля! Опять ты сирота
Крылами бьет беда в твои просторы,
В душе Обида, Боль и Пустота,
А в Памяти — Обман и Приговоры.

Дни окаянные расстрелов без суда
От Октября по тридцать пятый год
Ведет тебя от бога в никуда
Жестокий "богоизбранный" народ.

Безлюдели террором города:
Ростов и Харьков, Ярославль, Крондштадт...
И как закон — расстреливал всегда
Наемный Лейбы Троцкого солдат.

Истории лишали и святых
Разрыли кладбища и осквернили храмы
Устраивали в алтарях пустых
Конюшни, туалеты, пилорамы...

* * *

Сегодня правят внуки палачей
Манкурты — их рабы — безродные сатрапы.
Чтецы чужих, бессмысленных речей.
Послушать их — мы сами виноваты.

Мы сами отказались от столицы,

Культуры, академии наук..?
И сами разучились мы трудиться
Как при царе — не покладая рук?

Мы сами разоряли отчий дом?
И сами шли на смерть отцы и деды?
Все сами отдали, что нажито трудом?
И прочили великие победы?

И сами отдали Россию в кабалу
Народам полуграмотным и диким?
И в богадельню превратив свою страну
Сам наш народ стал некогда великим?

Журналы, телевиденье, газеты
Пытаются внушить нам этот вздор
И увести виновных от ответа.
И то, что не забыт по их словам — позор.

Но есть всему предел! Последняя черта.
И мы сейчас у этого предела,
Нам нужно покаянье, чистота,
А ложь и грязь — смертельно надоела,

До смуты один шаг. Где грянет первый гром?
Быть может спровоцируют в столице
Сыны Сиона яростный погром?
Или в Эстонии наемные убийцы?
В Ташкенте? Грузии? Молдавии? Литве?
Стучит нам в сердце пепел наших дедов
И шепчет нам, что кто—то там в Москве
Россию снова по дешевке предал.

И был той смуты каждый год
Страшнейшим со времен Адама
Торжествовал Искариот!
У стен разрушенного храма.

Часть 3 СМУТНОЕ ВРЕМЯ[17]
СМУТА

[17]Смутное время, смута — в связи с многонациональностью России и национальной терпимостью русского народа, к власти на Руси нередко приходили политические деятели и группировки, пытавшиеся проводить политику, противоречащую национальным интересам России (Лжедмитрий, Ленин, группировка Горбачева—Ельцина и т.п.). И тогда на Руси начиналась смута

Андрей Боголюбский

Четвертым после Ярослава
Был князь Владимир Мономах
Добывший для потомков славу
В походах, войнах и судах[18]

Двенадцатым был князь Андрей
Любимый Богом устроитель
Погостов, городов, церквей...
Земли державной охранитель.

И до сих пор сегодня с нами
Его бессмертный Божий дар
Своими дивными церквами
И золотыми воротами
В честь покорения булгар

Он свято блюл святой закон
И укреплял души твердыни
Епископ был им осужден[19]
И изгнан прочь
За грех гордыни.

А если Киев гнул свое,
Внимал жидам, мутившим воду,-
Андрей брал Киев на копье[20]
И гнал из Киева жулье

Так нагло лгавшее народу.
Был ими князь приговорен:
За отрицание мессии,
За то, что первым стал царем,
За то, что строил день за днем
Он государственность России,
За добродетель без границ...
Нечистый мстил ему особо,—
Объединяла тех убийц
Нечеловеческая злоба,—

---

[18] "Судебник" Владимира Мономаха послужил основой развития судебной системы России, а его завещание сыновьям "...." многие века изучались государями Руси как наставление деда — прадеда.

[19]Епископ Феодор из-за разногласий с Великим князем Владимиром закрыл церкви для богослужений, за что был выслан в Киев, предан суду и казнен.

[20]В 1169 г. А.Б. предпринял поход на Киев, где укоренилась в то время ересь жидовствующих, разгромил его (взял на щит) и отказался княжить в нем.

Он у двуногого зверья
Их души отнял.
Убивая,— [21]
Андрея — первого царя,
Двух Александров, Николая.

Злодейство начинает смуту.
И резал княжеских людей
В домах их, улучив минуту,
К убийствам жадных иудей.

* * *

Сегодня вновь невинной кровью
Они кропят свою Мацу
И, наслаждаясь нашей болью,
Избрали плахой колокольню
Голгофу!
Вызовом Творцу.
В ночь Воскресения, Господь!
Пришли трех мучеников души.
Кошерный нож пронзил их плоть.
Но храм души их не разрушил.
Что делать, Отче, вразуми
С певцами Торы и Талмуда,
Поклонниками Сатаны,
Кровосмешения и блуда?

* * *

С трудом восстановили мир
Князья в обманутой стране
И пресекли кровавый пир
Как победители в войне.

Они убийц судили строго
И приговором их суда
Запрет — благословенный Богом!
Под страхом смерти навсегда
Запрет жить на Руси жидам.
Серебряным был назван век
Прошедший после этой смуты…

[21] Убийство А. Б осуществлено его слугами, тайными иудеями, с нечеловеческой жестокостью.

* * *

Но бесновались иудеи,
Лелея ненависти жар
За то, что их изгнать посмели,
И привели на Русь татар...

ПЕРЕД ТРЕТЬЕЙ СМУТОЙ

Перегрызлись шакалы в Сарае,
Ханы резали тех, кто слабее,
И на трон посадили Мамая _
Как велел им совет иудеев.

Но ошиблись в прогнозе,
Сыновей снарядив за рабами,
Миллион кандалов в их обозе
Стал для них же самих кандалами.[22]
Всей ордою к нам шли, на веселье,
Несли рабство доверчивым гоям...

Но в далекой монашеской келье
Дмитрий меч освятил перед боем,
Но от тихого Сергия слова
Поднялась Русь от края до края!
Но на вызов нахвальщика злого[23]
Инок стал перед ордою Мамая!
И знамением грозным хазарам
Ненавидевшим русского Бога
Пересвет богатырским ударом
Вышиб дух из гиганта косога!

Отгоняя страх визгом и кликами,

---

[22]Известно, что основной груз, который привезла Орда на Куликово поле, были кандалы. Почти миллион пар кандалов. Количество свидетельствует о размахе, с которым готовилось "арматорами" нашествие. Просчитано было все.

Чтобы сэкономить на покупке пленных, "генуэзцы" отправили с Мамаем несколько десятков тысяч своих сыновей, оговорив их право на долю в живой "добыче". Гибель такого количества лучших сынов израилевых на Куликовом Поле до сих пор считается иудеями национальной катастрофой и питает их ненависть к русским.

[23]Нахвальщик — обычно самый умелый, вызывавший перед битвой дерзкими насмешками на поединок соперника из вражеского войска. На Куликовом поле русских вызывал на бой знаменитый на всю Евразию богатырь гигант — косог Редея. Его вызов принял инок Сергиево—Троицкого монастыря

Пересвет, получивший благословение на битву от преподобного Сергия Радонежского

В бой послала Орда лавы конницы
На полки,
Осененные ликами:
Спаса!
Троицы! И
Богородицы!..

И пошла боевая потеха,—
Лязг металла и раненых стоны...
Нашей памяти скорбная веха:
День сраженья и Дни —
Похороны...

Куликово печальное поле...
Ветерок над ним шепчет молитву.
Наши деды там в вечном дозоре
Вновь готовы подняться на битву.

КАЗАКИ

Возвращались в тот век из неволи
Казаки — Покаянное племя,
Расселялись по Дикому Полю,
Как велело им "Смутное " время;
—Эх, бояре! Крапивное семя!
—Не пускают на Русь казаков!
—Ремесло наше,— сабля да стремя,
—Наше дело— учить дураков!
—Двести лет прослужили татарам!
—Дон прокормит!
—А внукам — простится.
—Не дадимся в неволю боярам!
—Там где мы,— там России граница!
—Мы не больно-то сладко и жили,
—Нас князья, за ясак отдавали!
—И нас судят за то, что служили?!![24]
—Ям гоняли, заставы держали?
—Мы такие же вольные люди!
—Зря грозят нам князья укоротом,
—С Дону выдачи нет и не будет!

[24]Казачьи формирования использовались татарами как вспомогательное войско в войнах, несли ямскую и почтовую службы на всей территории Золотой Орды, вплоть до Китая и Тихого океана. С ослаблением Золотой Орды сослужили неоценимую службу московским князьям в качестве разведки и своеобразных партизанских отрядов в тылу татар. После разгрома татар старались селиться в пограничье, т.к. на русских землях долго еще помнили их службу татарам

—Отобьем нас неволить охоту!

* * *

В этот век богатырским дозором
Как заставы вставали станицы,
И в боях умирали со стоном:
—Лишь бы рядом!
А внукам простится...—

Постепенно казацкая сила
Превратилась в оплот Государства,
Много раз от беды защитила,
Подарила Сибирское царство!

* * *

Обживали степное приволье,
Шли на войны по царскому зову,
Обуздали все Дикое Поле
Их страницы по Тихому Дону...

Все от дедов!
(Ходили станицы
При татарах до сопок Китая)
Внуки шли под державной десницей:
—Дедам честь!
—А татар мы видали...

И лечили казацкие сабли
От дурного, жидовского глаза,
Образумила кровь их навряд ли,
Но бежала с Руси та зараза.

ПЕСНЯ КАЗАКА

На погоду ноют мои раны,
Службишка казачья нелегка,
Унеси меня на родину буланый,
Старость настигает — даже казака!

Ай поскачем, мой буланый, к нам на Русь
Отмолю свои грехи в монастыре,
Из живого родника — воды напьюсь

И в росистые луга — выйду на заре.

В Диком Поле ночью — опасен сладкий сон
Ой, не спят мои враги в ночи,
Увезут — в невольничий полон,
Если саблю одолеют — их мечи,

Но не мне ходить с ошейником раба!
По характеру я с детства больно крут...

А домой вернуться тоже не судьба!
На Руси буланый — нас (уже) не ждут,

Нам Москва припомнит — службу у татар
И забудет нашу помощь на войне,
Только церковь помнит — скромный этот дар
И отслужит панихиду — обо мне...

Ай, поскачем, мой буланый, к нам на Русь
Отмолю свои грехи в монастыре,
Из живого родника — воды напьюсь
И в росистые луга — выйду на заре.

Мчится по полю казачьей лавы строй,
На пути ее никто не устоит...
Отвези меня буланый мой домой
На то кладбище, где дедушка лежит..

* * *

Не оставить Россию в покое
Иудеям.
Им битым — неймется.

И столетия Дикое поле
В наши двери изменой скребется.

* * *

В тот же век за кремлёвские стены
Просочилось стригольников семя
И смело паутину иамены
Соблюдая завет Моисея.

Обрезались и чтили субботу
Изучали законы Талмуда,

На молебнах скрывали зевоту
И дрожали от властного зуда
Свою избранность... лелея.

Врали нам о приходе Мессии
И пытались купить Филарета,
Чтобы продал он душу России,
Но прошло иудейское время,
Не прошло иудейское племя.

Филофей справедлив был и резок
Не любил он кошерную рыбу.
На костер осудил тех, кто дерзок,
Ну а тех, кто попроще — на дабу..
Уничтожил жидовскую секту,
На Руси снова мир и покой.
Завещал, как посильную лепту
Свой рецепт гениально простой.

Затишье

Зарастают праведные кости,
Кровь невинных изошла в траву,
И палач
С секирой на помосте
Теперь редко радует Москву.

Бойко люд торгует на базаре,
Князь Пожарский скачет на охоту,
Минин молится в церквях о Государе,
Радуясь большому обороту.
В прошлом и опричнина и страхи,
Вместо изверга — освятованный царь!
За грехи повергнутого в прахе,
Молит венценосный пономарь.

Но!
Неотвратимо зрела смута!
Слишком много накопилось зла!
Новгород! Опричнина! Малюта!
Кровью пахнут царские дела...

Грозный осквернил венец России
И посеял смуту на века,
Души нам калечит и поныне
Того страха мутная река,
Ненависть к центральной сильной власти,
К русским — недоверие славян,

Смута...
Иностранные напасти...
Рабство незаконное крестьян...

Подхватил поток этот державу
И понес,
Играя головами,
Размывая честь, богатство, Славу,
Прячась за высокими словами.

Тени

И сегодня вскормлены мы страхом.
Самозванцы до сих пор в Кремле.
Палачи, обуглившимся прахом
До сих пор не преданы земле.

Их неупокоенные тени
До сих пор смущают этот мир.
Их забальзамированный "Гений"
Превращен в языческий кумир.

Их соратник
Лазарь Каганович
Мирно доживал свой страшный век.

Грех за миллионы убиенных
Принес миру этот человек.
Грех иуд!
Не будет очищенья,
Если не предстанут пред судом
Каганович, Сталин, Троцкий, Ленин...
И не восстановим царский дом.

Власть неправедная!
Божий бич России!
Ее цель оправдывает средства.
Власть обманом взятая и силой,
Смуту оставляет нам в наследство.

Борис Годунов

Дмитрий обречен был на заклание,-
На пути стоял у Годунова.
И "убился", ножичком играя,
По свидетельству "святейшего" Иова.

Вслед за братом Федор лег в могилу,
Шурину пути расчистив к трону.
Копьями погнали земство в спину,
Чтоб кричали: "Царство Годунову!"

Умилилась вдовая царица
Преданности земского Собора.
Видела заплаканные лица
И... Благословила Годунова!

Годунов!
Осколок каганата!
Выкрестов потомок из орды.
Мстителен, жесток, ума палата...
Рабоцарь для Смуты и беды.[25]
У него в чести были доносчики,—
Из боярских вербовал рабов,
За бесчестье воздавал им почести,
А за честь — позорил Годунов.

Разорил он Кошкиных, Романовых,
Рюриковичи у него в опале,
Клеветой, доносами, обманами
Он пришел к могуществу и славе.

И венец носил он как украденный,
Льстил народу, унижая знать.
Заставлял!
Молить себе за здравие[26]
И себя кумиром почитать!

Вызвал этот смертный грех волнения
И привел к печальному концу:
Самозванец жадный к приключениям
Приведен был к царскому венцу!

---

[25]Рабоцарь — часто встречающееся у современников (летописи, донесения послов и т.п.) прозвище Бориса Годунова

[26]Борис Годунов потребовал у москвичей ежедневно молиться за его здоровье. За исполнением этого указа боярами следили многочисленные доносчики, навербованные им среди боярских слуг. В связи с тем, что этот указ противоречил одной из главных заповедей Священного Писания (не сотвори
себе кумира!), популярность царя в стране, особенно среди духовенства, резко упала. Борьба с этой оппозицией, в частности, пострижение и ссылка боярина Федора Романова (отца будущего соборного царя Михаила) привела к дальнейшему падению популярности Годунова, так что к концу царствования, по замечанию современного ему дипломата," царь носил венец как украденный"

КАЗАЧИЙ КРУГ
в последний год царствования Бориса Годунова

—Царь Борис нам не указ!
—Власть его взята обманом!
—У него жидовский глаз![27]
—Так и надо нам, болванам!
Он божился на соборе
Порадеть о нашем благе
—Мы кричали "любо!"
—И избрали,—
Душегуба!
Иноземного покрою

—Хитростью своею горд!
—Нелюбим Борис Москвою!
—Ненавидит свой народ!
—Был опричником и катом![28]
—С улиц гнал людей дубьем!
—Предал все, что было свято!
—Лебезил перед царем!

—На бояр шептал доносы!
—В жертву приносил детей!
—Унижал великороссов!
—Выкрест, тайный иудей!
—Убил царское дитя?!!...

—Говорят, что жив царевич!!!
—Слухом полнится земля,
Что спасли его дядья!
—И что гетман Ходасевич
Шляхту дал ему в подмогу!
—И они идут в столицу!
—Слава богу! Слава Богу!
—Вернем матушку—царицу[29]
В ее горницы в Кремле!
Мир наступит на земле!

---

[27]Имеются данные, что Борис Годунов был по происхождению евреем-выкрестом из Орды

[28]Боярин Годунов был активным участником опричнины, приближенным к царю, был непримиримым врагом русской аристократии, возглавлял тайный приказ в правительстве Ивана Грозного.

[29]Имеется в виду мать царевича Дмитрия, вдова Ивана Грозного, подвергнувшаяся опале со стороны Бориса Годунова

Эх, Москва!
Свою глупую силу
Узнаешь на своем же боку.
Это ты отдала власть грузину
И беспалому дураку!

ВТОРАЯ СМУТА

Раздор

Рассорились братья славяне?
Украина, Белая Русь,
Великая Русь и Поляне...
Разрушен могучий союз.

Крым грабит с поляками Тулу,
С казаками Краков и Львов
И гонит за Волгу и Суду
Славянских рабынь и рабов.

Сегодня опять на границах
Разор, беспорядок, резня!
И снова у мертвых в глазницах
Травой прорастает земля.

Свой царь был исчадием ада.
Россия устала от Страха.
И вновь не тому, кому надо,
Достался венец Мономаха.

Народ мой доверчив не в меру,
Но есть и бесстыдству иредвл:
Крестить в униатскую веру
Лжедмитрий Москву захотел!

Лжедмитрий

Я сел на царство — в битве за Свободу!
Спасибо Вам за помощь, казаки!
И все, что нужно русскому народу
Получите Вы из моей руки:

Вино?
Откройте царские подвалы!
Жиды, курите новое вино!
Лей, русский люд, Димитрию во славу!
И позабудьте имя — Годунов!

Свобода? Да!
Но тем, кто ей послужит.
И кто готов на битву за нее,—

Кто как щитом мой трон сейчас окружит,
Тому благословение мое
Религия? — Вы ввергнуты во грех!
А православие — в своих обрядах ложно!
Святой костел открыт для Вас для всех
И души Вам спасти еще возможно.

Порядок? Да!
Но русские ленивы.
Вам воспитатель нужен, нужен кнут!
На это я е пожалю силы,—
Поляки здесь порядок наведут.

Восстание в Москве

Блестящие сабли, красные жупаны,
Подбородки голые, но у всех усы.
Гуляют по Пожару спесивые паны[30]
Скалятся на нас, как цепные псы:

—Может быть Ваш царь не настоящий
—Да по вам он и такой сойдет!
—Нам тем более: веселый да гулящий
—И вино, как истый шляхтич пьетГ
—Любо! Царь Ваш нашей веры!
—Гните шеи, московиты!
—Перед вами офицеры!
—Шляхта Речи Посполитой!
—Прочь, москаль с моей дороги!

[30]Пожар — первое название Площади перед московским Кремлем. После завершения строительства на этой площади собора Казанской Божьей матери в честь освобождения Москвы от поляков Лжедмитрия за красоту собора переименована в Красную площадь 1927г, по приказу Л.М.Кагановича собор Казанской Божьей матери с мемориальным кладбищем в нем защитников Москвы был переоборудован в общественный туалет, а затем снесен. (Собор был построен "по обету" князем Дмитрием Пожарским в память о тех, кто погиб, освобождая Москву от польско-литовско-жидовского нашествия).

В настоящее время начался сбор средств на восстановление собора.

—Я, пся крев, вельможный пан!
—Прочь! Не то протянешь ноги!
—Пес! Татарщина, Чурбан!
—Что моргаешь, пень дремучий?
—В бороде не видно глаз!
—Мы покорности научим

Униатской саблей Вас!
Красен стал Пожар от крови,—
Сабель звон и русский крик:
—Здесь оставите, панове,
Свою спесь и весь свой шик!
—Царь Ваш Гришка!
—Поп расстрига
—А не Дмитрий, русский царь!
—Двоеженец и шишига!
—Бражник, пьяный пономарь!
—Зря зовете: "Матка Бозка"!
—Наш обычай: "В бога мать!"
—Вы ж свои, славяне вдоску!
—Так зачем нас задирать?
—Братья кровные России!
—Душу продали жидам!
—Долго Вы у нас гостили!
—Загостились! Стыд и срам!
—Смерть Литве, жидам и панам!
—Быть беде!
Смекают паны.
Москвичей отвлечь пожаром
Приказали атаманы.
Как в аду бушует пламя.
Звон пожарный над Москвой...
Подхватив столицы знамя,
Бухнул в Нижнем
Вечевой.

Вече

Нижний Новгород на вече:
В сборе все четыре сотни.
Расправляют люди плечи,
Инородец!
Здесь умолкни!

В чинный ряд стоят монахи.
Взгляды их печальны, ясны.
И людей земные страхи

Кажутся мелки, напрасны.

Яркий ряд князей бывалых -
Полк водить их ремесло.

В битвах жарких и кровавых
Русь не раз оно спасло.
Сотня белая — дворяне:
Столбовые и стрельцы.
Сабли, пики и пищали…
Соль земли и храбрецы.

Сотня черная в почете:
У крестьян топор да вилы,
Но умение в работе
Им в бою прибавит силы

У купцов мощна их сила.
И за Русь -
Пошла по кругу
Шапка Минина. Хватило
Каждому купить кольчугу,
Лошадь, сбрую, шлем, пищаль,
Саблю, пику, сапоги,
Прочий нужный инвентарь…
—Боже правый! Помоги!
Минин звал:
—Вставайте, люди!
Гибнет Русь! Не время страхам.
Мы сегодня сами судьи!
Смерть Литве, жидам и ляхам!
В унижении, обиде неужели притерплюсь?
Неужели будут править нами вечно инородцы?
Где же наша Честь и смелость?
В бой за Русь, нижегородцы!

Пожар

Россия в опасности!
Страшен наш враг —
Наследник поганым хазарам!
Пора нам поднять черный Рюрика стяг,
Предать их мечам и пожарам.
Сгорел в тех пожарах хазар каганат,
Померкла Лжедмитрия слава,
С позором сбежал от огня Бонапарт
И пала фашистов держава.
Сгорят в том огне Иеговы сыны.

Сожжет их столетий обида.
С обидой умрут,
Но без чувства вины
За страшные дни Геноцида.
Россия как феникс, восстанет в огне
Свободной, могучей державой.
И снова Георгий на белом коне
С Россией поделится славой.
Но пепел! Но пепел! Засыпал наш путь
И требует он очищенья.
Без покаяния Честь не вернуть!
Не будет России прощенья.
Покаемся в том, что пошли на убой,—
Под пули большого террора.
И дали глумиться врагам над собой,
И в пастыри выбрали вора!
Покаемся в том, что чужую беду
Мы выше своей почитали.
И кормим с тех пор инородцев орду
И душу свою им отдали.

Россия в опасности!
Страшен наш враг!

ПЕРЕД ТРЕТЬЕЙ СМУТОЙ

Казачий круг

—Вот, говорят, в Европу
Он прорубил окно.
—Ну а отец его, — без топора, спокойно
Имел со всей Европы машины и сукно,
—Не жег табак, не заставлял пить пойло.
—Не брил бород боярам и не казнил стрельцов,
—Жен ближних не желал, чурался лести,
—Не слушал, рот разинув, заморских мудрецов,
—Россию собирал в достоинстве и Чести.

—А сын его губил нас — на стройках, в лагерях,
—Отгрохал город стольный на болоте...
—Стоит теперь тот город на дедовских костях
—И Вы без покаяния
В нем третий век живете.
—Все у него оправдано большой, великой целью.
—Да только все навыворот он сделал, все силком.

—Овчинный полушубок наш —
он заменил шинелью,
—Народные гулянья — бесстыдным бардаком.

Екатерина— Вольтеру

У русских — детская душа,
Им рано думать о Свободе.
У нас погода хороша,
А что сейчас в Париже в моде?

Я безутешная вдова,—
Увы, почил супруг мой в бозе —
И увядаю, как трава
На русском, варварском морозе.

У турок нынче неуспех,—
Их бьют Суворов и Потемкин.
На царство жаловаться грех,
Но русская душа — потемки!

Болтают, что в России бунт,
Кипит в народе недовольство?!
Любезен сердцу русский кнут!
Я жду французское посольство.

Я жду от Вас mon cher, Volter
Совет, что делать мне с народом?
И жду последний Ваш шедевр.
Adieu, Всех благ и с Новым Годом!

ТРЕТЬЯ СМУТА

Бунт

Отцарствовал Антихрист, губивший свой народ,
И немка окаянная с Бироном.
Убит Екатериной — муж непутевый — Петр.
Вновь на Руси мат-перемат со стоном:

— Императрица — немка! Известен этот сброд!
— Давно они пасутся у короны!

— У инородцев вожжи, но нем простой народ!
— А что тут скажешь? Армия, законы ...
— И ладно только 6 немцы! А то опять жиды!
— Впустила Катька их за чашки из фарфора!
— Теперь держись, Россия! Жди от жидов Беды!

(И ведь дождались: Красного террора)

— Не для того Романовых призвали мы к венцу,
Чтоб снова подчиняться самозванцам!
— И то, что нашей Родине холопство не к лицу,
Понятно и последним оборванцам.
— Екатерина, сука, сгубила мужика!
— А он на Яике, гляди, и объявился.
— Весь в бороде, с усами, в обличье казака,
— Перед народом, слышь, в грехах винился!
— Теперь другое дело! Теперь у нас права!
— Мужицкий царь нам будет без обману!
— Проверим, крепко ль держится у Катьки голова!
— На всю орду ее найдем теперь управу!

Пугачев

— Я за землю и за волю поднимаю на борьбу!
В бой поднимемся казаки за счастливую судьбу!
Мужики, берите вилы, жгите барские дома!
Все грехи отмоет Смутой православная страна.
Отдаю Вам Вашу землю!
Всех помещиков — в петлю!
Изменивших моей воле я в живых не потерплю
Катерину за измену я примерно накажу,
А фрейлин ее атласных Вам отдам для куражу

Пугачевщина

И поднялись окраины: казаки, мужики
Вся Смута взбаламутила народы.
Шли русские, башкирские, калмыцкие полки.
За три недели вспыхнуло,— то что копилось годы,

И так пошло — поехало, что кругом голова!
Отец на сына шел, сшибались братья в поле.
От крови стала красною зеленая трава,—
Мужик мечтал о волюшке, казак мечтал о воле.

Помещик — о спасении, роженица — о родах
А генерал — о должности и доблестных походах.
Солдат мечтал об отдыхе, купец — о безопасности
А Пугачев с царицею — о личной полновластности!

От смуты той осталась
Молитва на Руси:
"От вора и разбойника спаси и пронеси!"

Казачий круг

— Погулял Емеля!
— Разбудил народец?
— Только нам в чужом пиру похмелье,
— Тебе слава царская,
— Монастырский мед!
— Наше угощение, — пушечное зелье.

— Шел бы на столицу, коли стал царем!
— Встали как один бы казаки,
— Что нам служба царская? Однова живем!
— Но деревни грабить — нам ни с какой руки!

— На Дону женился при живой жене!
— Пусть плоха царица, да велик и грех!
— Двоеженцу верить — это не по мне!
— Предал кто царицу, — тот предаст и всех!

— У царицы сила нынче уж не та,
— Не сломить ее теперь наскоком,
— Генерал Суворов нашим не чета,
— Казакам восстание может выйти боком.

— Руки дай, Емеля!
— Повезем в острог
— И тобой покаемся за грехи в столице,
— Мы тебе не судьи!
— Судит только Бог!
— Да за Дон замолви пару слов царице!

ПРЕДВИДЕНИЕ

Завещание Патриарха

Узнает шар земной еще когда Пол—Пота!
И Гитлера еще не слышали в пивной.
А на Руси святой уже идет охота
За русскими людьми — их души упокой!

Доволен иудей, — Святою Русью правит.
Он со времен хазар лелеял эту месть.
И к рабскому труду опять славян приставит
За жалкие гроши: одеться да поесть!

Сегодня мы уже самим себе не рады!
И охватил Страну отчаянья столбняк.
Святая Русь была всегда цветущим садом,
Сейчас куда ни глянь, — то пустошь, то сорняк!

Мы тщетно будем ждать злодеев покаянья.
Сегодня мы должны к заступникам воззвать;
Вставайте люди русские! Доколь терпеть страдания?
Нас, —
Если все поднимемся,—
Сто миллионов рать.

ПЕРЕД ПОСЛЕДНЕЙ СМУТОЙ

Съезд сионистов

Под пушек гром и шум конгрессов[31]
Шел спор наследников кагана,
И два враждующие клана
Столкнулись в битве интересов.

Обетованную страну
Пытались обрести евреи,
Но эти ясные идеи
Меж ними вызвали войну:

Все выступавшие раввины
Клонили дружно к одному:

[31] Всемирные сионистские конгрессы. Первый из них проведен в Базеле (Швейцария) в 1897 г. В дальнейшем проводились регулярно, в том числе и в наше время.

Приобретем себе страну
Деньгами и мечем Наввина!

Народ наш должен быть единым, —
Предписывает так Талмуд![32]
Все капиталы, весь наш труд
Мы отдадим за Палестины.

Но!
Сионистам всей планеты[33]
"Нет!" — Был диаспоры ответ, —
Мы подчиним себе весь свет,
Или умрем в борьбе за это!

Мы просим помощи, друзья!
Сейчас позиции такие
У нас в Германии, России,
Что пренебречь ими нельзя.

Не сможем сами,— смогут внуки
Стать повелителями мира!
Все вместе мы большая сила:
Газеты!
Золото!
Науки!

"Все! —
Прекращайте свои споры,—
Был оглашен вердикт кагана,—
Мы утверждаем оба плана
И не к чему меж нами ссоры.

Мы купим город в Палестине,
Столицей сделаем столиц
У государства без границ.
И воцаримся в Израиле!
В диаспоре — свои проблемы:
В правительство любой страны
Как пропуск нам служить должны
Шестиконечные эмблемы.
А в страны, где не наша воля! ...
Вы .каждый месяц! День! Минуту!
Несите брань, раздор и Смуту!

[32] При этом Талмуд не запрещает рассеяние евреев по миру,— диаспору.

[33] До образования Израиля в 1948 г. сионистами было принято называть сторонников его создания, в отличие от приверженцев мирового господства, опиравшихся в своих расчегах на диаспору. Сейчас всемирное сионистское движение координируется из штаб-квартир в Израиле и США

Засейте страхом это поле.

Ренегат - изгой

История учит и учит,
А мы повторяем ошибки.
Багровые страшные тучи
Ползут из российской глубинки.
Клубится в них злая обида,
Их стоны сливаются в громы,
За кровь и террор Геноцида
Нам смертью ответят погромы.
Как пращурам нашим хазарам,
Убитым мечом Святослава,—
Ответит смертельным ударом
Распятая нами держава.
Так пращуров наших в пустыне
Преследовал гнев фараона,
Так нам за безумство гордыни
Испанская мстила корона.

Народ мой!
Достаточно крови!
Не верь пожелтевшим талмудам,
Безнравственна дань Иегове,
Безнравственно славить Иуду!

За равенство наций идеи,
За ересь Иисусу Христа,
Еще и сейчас иудеи
Его не снимают с креста.

Мы в споре с Иисусом не правы!
Народов нет избранных Богом!
Его беспримерная слава
И нам освещает дорогу.

Покаемся! Братья! Евреи!
Не поздно еще покаянье.
Не поздно сынам Иудеи
Прощенья просить, сострадания.

История учит и учит,
Не поздно исправить ошибки.
Багровые, страшные тучи
Ползут из российской глубинки...

СИОНИСТ

Нет справедливости для гоев,
Всем миром правит тот, кто тверд!
Раб тот, кто этого достоин,
А кто винит нас, — тот умрет!
Как враг божественных устоев.
Голгофа русскому народу:
"Чем больше дров, тем дальше в лес!"
Нельзя ни в чем им дать свободу!
Их вызывают интерес
Ключи к семнадцатому году!
Но эту правду невозможно!
Нельзя им дать понять ключи!
Заставить все забыть несложно,—
Надежно спрячут палачи
Тех, кто поймет неосторожно.
Да будет так!
Так шло от века.

Так учит нас святой талмуд.
Оставить жить рабов и зэков,
Тех, кто богов своих не чтут,—
Славян и недочеловеков.
Против рабов — прибегнуть к силе!
Не верь словам Христа—злодея!
В Америке и Израиле
Чтут господином иудея!
И чтили! Будут чтить в России!
Где провели мы Геноцид,
Где славянин забит, бессилен
И царствует сегодня жид.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов.
Кипит наш разум возмущенный.
На смертный бой всегда готов!

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,—
Кто был ничем, тот станет всем!

ВЕЛИКАЯ СМУТА

Блудный сын

Что значит это слово
Смута?
Бунт?
Нег не бунт!
Война?
Нег не война!
Но в Смуту нам чужие имена
Судьбу России изменяют круто.

По воле иноземных мудрецов
В державе самозванцы строят козни.
И толпы следуют за ними в этой розни
Словами одураченных слепцов.

А палачей седые внуки
Страшна для нас такая слепота.
Страшнее инородца брат для брата!
И русский в русского стреляет как когда-то
Свой!
Блудный русский парень.
Без креста.

И в Смуту блудный русский как палач
Поганит кладбища и оскверняет храмы.
И в этом истинные корни нашей драмы,—
Не будит его душу русский плач.

Кому ж ты служишь,
Блудный русский сын?
Я знаю, ты читаешь эти строки.
России-Матери горьки твои упреки,
Измене ей
Нет уважительных причин.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Мы не поймем великой Смуты,
Когда в анализе тех дней
Забудем даже на минуту
Проблему с именем "еврей"!

Нам не уйти от этой темы,—
Осквернена ими земля,
И Соломоновы эмблемы
Орлов сменили у Кремля,
Был ими осквернен Тамбов:
По храмам били из орудий
И из живых колоколов
Отлили памятник
Иуде!

Они пролили море крови
Ради диаспоры идей,—
Стреляли в тех, кто хмурил брови,
Услышав слово — Иудей,
И в тех стреляли, чьи потомки
Могли угрозой стать в веках,—
Для внуков чистили подонки
Страну, повергнутую в прах.

Для новых внуков берегут
Квартиры, дачи, роль в науке,
Писательский нелегкий труд,
Идут в российские поэты,
Громят религии дурман
И издают для нас газеты,
Где правдою зовут обман!
И в этом слаженном их хоре
Истоки Смуты на Руси,
И им на радость наше горе!
И мы для них все Гой еси![34]

ВЕЛИКАЯ СМУТА

И грянуло! Жертвы великие

[34]Гой — талмудическое прозвище нееврея; Еси (древнеславянский) переводится ках глагол "есть". Обращение: " Гой еси" пришло к нам из глубокой древности, со времен хазар из народных сказок, в которых Гой еси добрый молодец сражается с хазарином-змеевичем. Широко распространено в Русских былинах. Часто употребляется в талмуде. Особенно характерны такие цитаты из талмуда: "Гой пыль на дороге к царству израилеву на земле", или "Убей лучшего Гоя! Ибо без лучших, что будут гои? — Стадо! И спросят они нас, ибо их лучших уже не будет: "Куда нам идти?" И мы скажем, куда им идти. И погоним их к царству Израилеву на Земле Ибо и в царстве Израилевом нужны будут рабы".

Принес на алтарь наш народ.
На казни бессудные, дикие
Погнали крестьян и господ.

Среди латышей и острожников
С винтовкой шел русский бедняк.
И верил, что так и положено,
И что иудей ему брат,

Что бьется за жизнь он свободную
Для нас,— неразумных людей!
(Но скалил улыбку голодную
На наши дворцы иудей).

Сегодня все пропито, продано,
Что мы собирали века!
И держится царство "народное"
На лжи и застенках чека.

РАВВИН

Золотым назовут этот век
В новом ветхом завете потомки.
Иудей, свой исполнив завет,
От России оставил обломки.

Богоматери эту страну
Посвятил Первозванный когда-то
И в стране этой, как в старину,
Натравили мы брата на брата.

Наши правнуки будут века
Оставаться в России у власти.
Русской жертвенной крови река
Наш залог их грядущего счастья.

Все здоровое русское прочь!
На расстрел, за границу, на дыбу!
И подаст императора дочь
Нам на пасху кошерную рыбу,

А опомнятся русские, — что ж!
Не найдут они путь от Голгофы.
И не выдаст им резника нож
Тайный замысел их катастрофы.

ЦК И ЖАЛОБА СТАЛИНА[35]

Сталин: — Товарищ Ленин!
Я не могу принять:
Заложников, неоправданные расстрелы...
Троцкого необходимо срочно унять,—
Он кровью пятнает святое дело!

Ленин: — Лукаво прищурился Владимир Ленин
И вместо ответа (текущий момент!)
Почерком, не ведающим сомнений,
Оставил истории таком дакумент:
— Товарищу Троцкому: одобряю и впредь! -
И подвись в мандатах: [36]
— Владимир Ульянов. —
— Товарищ Сталин, не время жалеть
Белую сволочь и архисмутьянов!

Свердлов: — Без этих расстрелов — не победим!
Их нам простят пролетарские массы,[37]

Бухарин :— Террор в деревне необходим!

Ленин: — Воюют не люди! Воюют классы!

Троцкий: — Ты, Коба, прости — сер и упрям!
Неужто мы, без расстрелов и страха
Заставим русских изменить их царям
И отдать в наши руки венец Мономаха?
Неужто они добровольно пойдут
В труддагеря и трудармии колонны,
Полюбят злой, подневольный труд,
Привыкнут к тому, что они колонны?

Сталин: — Но как же Маркс и его идеи?

Ленин: — Текущий надо понимать момент!

Свердлов: — Смертельна для нас угроза Вандеи!

---

[35]Сталин неоднократно жаловался Ленину на Троцкого, "что он необоснованно и много расстреливает".

[36]В ответ на одну из таких жалоб "самый человечный из людей" взял несколько бланков мандатов и написал: "товарищу Троцкому: одобряю и впредь. В.Ульянов". И тут же, при Сталине передал Троцкому. Этог документ неоднократно цитировался Солженициным в его работах

[37]Ешуа Соломон Мовшевич-Свердлов (Я.М.Свердлов) умер через несколько дней после выступления на митинге в Сормове, на котором он был избит рабочим, протестовавшим против красного террора.

Троцкий: — Мы право имеем на Экс-перемент!

Дзержинский: — Наши люди в армии белых
Несут раздоры, деньги и месть.
Пугают трусов, провоцируют смелых,
Легко убивать, имеющих честь!

Зиновьев: — Заварим русским покруче кашу!
Пускай гадают: что и к чему?

Ленин: — Но видят пусть дисциплину нашу
В гражданской войны угарном дыму!

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Сталин: — Презренных троцкистов банда убийц
И их агенты: Зиновьев, Бухарин...
В коварстве своем не знает границ.
Но их остановит товарищ Сталин!

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Хрущев:
— Как Сталин запятнал великое ученье!
(Но защитил дерлкаву от троцкистов)
Сегодня кончились народные мученья!
Культ личности — ошибка коммунистов!

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Горбачев: — Сегодня понимают все, что были и ошибки.
Но надо все, товарищи, оценивать реально,
И если не оставим мы фундамент этот зыбкий,
То вся наша история закончится печально.

ЕЩЕ ТРИ ГОДА СПУСТЯ

Ельцин: — Как хорошо все разрушил Гайдар!
Умный, надежный премьер у страны,
Он по системе наносит удар,
Люди еще раз поверить должны.

Ой ты Гой еси, добрый молодец!

Когда кровавые пророки
Желают власти на Руси
На нескончаемые сроки!
Когда им русский — Гой еси!
Когда враги нашего Бога
Жгут церкви дивной красоты!
И у могильного порога
Нам ставить не дают кресты!
Когда за нами инородцев
Следят холодные глаза!
В России затмевают солнце
Ее святые образа!
Они наш стяг! Святыня! Знамя!
Весь мир спасет их красота!
Так соберемся же, славяне,
У животворного Креста!

СОБОР ВО ВРЕМЯ СМУТЫ

Когда терзают землю злые смуты,
Разруха городов, безлюдье деревень...
В такие судьбоносные минуты
Грех для славян апатия и лень!

В такие дни судьбой дано славянам
Набатом собирать земли Собор,
В беде родство вдруг вспомнивших иванов,
Прервавших мелочный сословный вечный спор.

Четыре сотни в нем:
Одна — Душа народа:
Учителя! Духовенство, монахи...
А в Красной сотне знать. Славян порода.
Хранители земли

В законности и страхе.
А в Белой сотне — воины, дворяне,
Жизнь не жалевшие за целостность державы,
А в Черной сотне соль земли — крестьяне,
Оплот могущества, бессмертия и славы.
А в Черной сотне — русские купцы,
Богатство нации, послы ее товаров,
Рабочие, посадские жильцы,
Строители домов, дворцов и храмов.

Их звали Черной сотней свысока.
Но что без их согласия — Собор?
И их державная кормилица — рука —
Умела, если надо взять топор.

А сотен несогласие — беда!
Бунт Черной сотни яростным ударом
Ответит на обиду господам,
Испепелит Державу злым пожаром.

И потому соединяла вера
Бояр, крестьян, духовенство, дворян
Цари соборные нам до сих пор примером
Объединения в набатный час славян.

Собором призван был спаситель Рюрик,
И Дмитрия собор направил к Дону,
Им избран Ярослав — лукавый умник
И Михаилу —
Он отдал корону!

Сегодня вновь беда!
В Державе зреет Смута!
Вновь мечется в отчаянии народ.
Вновь судьбоносная для всех славян минута
Соборности и Единенья ждет.

Заступники!
И ты, о Вседержитель!
Благословите вновь собрать Собор.
Избранников его благословите
Решить России судьбоносный спор.

Учителя:
Распутин! Достоевский!
Белов! Мефодий! Кожинов! Бахтин!
Столыпин! Рокоссовский и Флоренский!
Татищев! Пушкин! Бунин! Карамзин!
Аввакум! Сергий! Тихон! Чивилихин!
Донской! Корнилов! Суриков! Рублев!
Вавилов! Клюев! Лермонтов! Деникин!
Саровский! Чехов! Павлов! Королев!

Шукшин! Тальков! Шаляпин и Суворов!
Кутузов! Невский! Мусоргский! Крылов!
Твардовский! Гоголь! Нестеров! Платонов!
Аксаков! Пришвин! Бехтерев! Лесков!
Пожарский! Шафаревич! Менделеев!
Васильев! Нилус! Соловьев! Рубцов!
Олег! Чайковский! Корин! Сабанеев!
Блок! Ломоносов! Жуков! Васнецов!

Учителя!
И ты, о Вседержатель!
Благословите вновь собрать Собор.
Избранников его благословите
Решить России судьбоносный спор.

Соборные избранники народа!
СОБОР -
Не место деланья карьер!
У Вас в руках державная Свобода
И многим поколениям пример!

И принимая новые законы
Услышьте стон хранителей земли
Замученной нечерноземной "ЗОНЫ"
Что как РОССИЮ предки берегли.

ПРОЛОГ К ЭПИЛОГУ

Дедушка

Мой дед был память многих поколений.
Знал летописи древних мусульман
И разбирался в тонкостях учений
Язычников, евреев, христиан.
Читал он скальдов песенные эдды,
Предания германцев и датчан,—
В них наших предков битвы и победы
Слагаются в историю славян.

Мечтал об этом написать он книгу,
Но шел террор и было не до книг
Вел Ленин революции интригу,—
Страшнейшую в истории интриг.

Дед понимал: на это нужно годы,
Чтоб излечить от бешенства Россию,
Чтобы опомнились заблудшие народы
И прокляли незванного Мессию.

И понимая роли в этой драме,
Из рук не выпуская револьвера,
Служитель музам и прекрасной Даме
Не изменил присяге офицера.

Да, он стрелял! И тем приблизил час,
Когда прекрасная, как женщина нагая
Вернулась Правда, исцеляя нас,
Насилие и ложь ниспровергая.

Он истреблял кровавых палачей,
Распространявших вирус большевизма
И проклинавших в тысячах речей
Понятия: Россия и Отчизна.

А где ж Вы, дедушки ровесники седые,
Хранители истории народной?
Не шли за ним из нравственной Гордыни?
Презрели его в позе благородной?

Прекраснодушно стоя выше схватки,
Непротивлением убийства освятили!
Не прокляв Ленина кровавые порядки,
Народ безмолвием своим осиротили!
Когда мой дедушка Вас звал на злую битву,-
Боялись Вы восстать против народа?!!
Но не народ то был,—
Забывшая молитву,
Толпа иуд и каторжного сброда!

Сегодня снова воздух пахнет кровью!
Моих ровесников не утихают споры:
Опять зовут к врагам идти с любовью
И принимать покорно приговоры.

Но кто же право дал судить потомков Буса,
Олега, Рюрика, Вандала, Святослава...
Потомкам тех, кто распинал Иисуса,
И кем распята русская держава.

МОЙ РОД

Мы будем помнить много поколений

Как род наш нес кровавый, тяжкий крест
Через ГУЛАГ:
И тридцать лет мучений,
И каждый обыск, следствие, арест...

Россию мы иудам не отдали!
Но в нимбе из тернового венца
Ушел мой род в неведомые дали
Туда, где нет начала и конца.

Из ста мужчин осталось только трое:
Отец, мой сын и я. Спасибо Ленин!
Не все ушедшие из нас были герои,
Но не было! —
Упавших на колени.

Я палачей —
Как нечисть ненавижу:
На Бога!
Руку поднявшие хамы.
И письма брата деда из Парижа
Еще одна страница этой драмы.

ПИСЬМА ИЗ ПАРИЖА
(Памяти Юрия Дмитриевича)

Пятьдесят шестой в России был надеждами богат,
В этот год из-за границы нашел деда его брат,
Написал. Прислал проспекты внетявок своих на память,
Плакал: "Больше не увижу Петергофскую весну...
Как мечтали, брат мой милый, Родину собой прославить!
Не на то отдали силы. А теперь пора ко сну.

Я по памяти рисую зиму русскую в Смоленске,
Осень в нашей деревеньке, летний полдень на Дону...
Здесь же братец все чужое: реки, долы, перелески...
Как мне горько, что не дома, не в России я умру.

Впрочем, cher ami, стреляли мы недаром по чекистам.
Видишь, вот они и сдали. Грядет русский ренессанс.
Книгу ты прочел едва ли на своем пути тернистом
О побеге соловейком. Как использовал я шанс.

Прочти, брат, мне интересно отзыв знать специалиста,
Ее многие читали: Рузведьт, Чемберлен, Де Голль...
Впрочем, в ней они искали приключенья Монте-

Кристо,
Ну а ты увидишь сразу, как рвала мне душу боль.

Помнишь Пасху в Петрограде, Апфельбаума ловушку,—[38]
Приказал он офицерам регистрацию пройти.
Мы тогда с тобой решили, что берет он нас на мушку,
Не пошли. С той самой Пасхи
Разошлись наши пути.

Тебя брали на квартире латыши и два еврея,
Дворник рассказал. Их трупы
Он отвез потом в чека.
Потерял тебя я в Смуту. Злое для России время.
А нашел только сегодня. И прошли с тех пор века...

Высылаю тебе книгу. Дай ее прочесть и внуку.
Смотрит с карточки мужчиной он в сбои тринадцать лет..
Бедный дедушка! Не понял он тогда простую штуку:
Не пришла на Русь Свобода.
До сих пор ее здесь нет.

Изгнан был отец с работы. Мать уволили за книгу.
Хоть ее и не читали; Не видали никогда.
"Сын,— сказал отец,— прорвемся! Покажи в кармане фигу,
Найдем новую работу.
Это горе — не беда.

До войны бывало хуже: нас не брали в институты,[39]
А евреи шли потоком, без экзаменов туда.
Вот тогда мне выпадали, сын, тяжелые минуты,
И еще в войну. А это —
Не беда, а ерунда."

Не прочел я книгу. Письма
Брата деда из Парижа

---

[38]Весной 1918 г. Е—Г.А. Алфельбаум (Г.Е.Зиновьев), диктатор Петрограда, потребовал регистрации всех офицеров царской армии и лиц дворянского происхождения. Все, кто подчинился этому указу, впоследствии были расстреляны.

[39]По декрету "о борьбе с антисемитизмом", принятому ВЦИК в 1918 г. евреи более 20 лет пользовались преимущественным правом поступления в ВУЗы и огромными льготами при обучении в них. Русские, напротив, были ущемлены различными ограничениями. "Результаты этого декрета ощущаются до сих пор (непропорционально большое представительство евреев среди лиц с высшим образоваием, в науке; низкий уровень науки и техникии в СССР и т.п.)

Будят память, как отрывки.
Строки длинного письма.
А теперь уж не дополнишь. Никогда а не увижу
Лейб-поручика лихого и опасного весьма.

В Сен - Буа он спит. В могиле. Пухом будь ему земля.
Как его любви к России...
Не хватает у Кремля!

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ

Воздух пахнет Смутой, кровью и тоской.
Я на перепутье. Выбор не простой:
Повернешь налево —

Продотряд, чека, —
Выгребать заставят хлеб у мужика.
Жидо-комиссары, нет на них креста!
Я на этом хлебе
Вижу кровь Христа.

Повернешь направо — золото погон, —
Российская слава — незабытый сон.

Если путь не выберешь, — здесь найдешь конец:
Слева ли, да справа ли, —
Но найдет свинец.
Белому движению каркают беду.
Но мее решение:
Направо я пойду.
Пусть немногочисленны белые, полки,—
Все же мне привычнее с правой бить руки.

Редкую профессию имею,— военлет,
Белому движению послужит самолет.
На Дону восстали: долой большевики!
Прилечу с патронами,— держитесь, казаки!

Привезу с Кубани порох и табак,
А кому не хватит — повоюет так.
Привезу рассказы тех, кто был в чека,—
Чтобы понимали, что ждет там казака.
Шлепнули Подтелкова, первый был палач,
Штокмана,— бывают же злодеи!
Потом заколодило,—
Хоть кричи, хоть плачь!
Тонко рассчитали иудеи:

Пешкой был Миронов,— наивный идиот!
Казаков смиривший сказочкой о рае,
Пулю получивший от Бронштейна в лоб,[40]
Ленину писавший:" Правды я желаю..."
Еще неизвестно: чья б тогда взяла?

Казаки пошли бы на столицу!
Улестил Миронов: "Зачем нам та Москва?
Наше дело вспахивать землицу."

На кругу кричали:
— Он природный, свой!
— Верить нам Миронычу с руки!
— Ваше благородие! Погоди! Постой!
— Не пойдут за белой костью казаки!
— Много шибко грамотных!
— Нам от них бяда!
— Мы державы становой хребет!
— Довели Рассею до ручки господа!
— Что нам та присяга?!
— Давно царя уж нет!

* * *

В этом вся трагедия!
Роковой просчет.

Мы пуповину оторвали от народа.
За честь и привилегии нам предъявили счет.
Поплатилась русская порода!
Лишь один Столыпин понимал народ,
Неотрывен был от его плоти.
Мы же
Покушениям вели лениво счет,
А не впряглись помочь ему в работе.
Страшная расплата! Бедная страна.
Как разъели твою плоть газеты!
Ты обезоружена и разобщена.
Время русским вновь давать обеты!

* * *

[40]По приказу Л.Д. Бронштейна (Л.Д. Троцкого) Ф.К. Миронов, командарм "2-ой конной армии", сыгравший решающую роль в нейтрализации казачества, после того как "сделал свое дело" был арестован и расстрелян без суда (в 1920 г)

Горько Дон раскаялся! Да поди, верни
Тех, кто был расстрелян по оврагам.
Дон краснел от крови
В страшные те дни,

Не доверив страшный счет бумагам.
Убивали зверски женщин и детей,
За пол—года "расказачили" пол-Дона
По указу Свердлова и других вождей,
Для которых русские —
Особый вид назема.

До последних дней
Я летал на Дон
Им возил лекарства, порох и патроны.
И с небес я видел
Словно страшный сон
Вольницы казачьей,— России похороны.
Кончилось горючее. Мои верный револьвер
Пулю шлет за пулей. Стреляет офицер.
Их пыталось шестеро взять меня живьем.
Но не зря поют они:
"И как один умрем!.."
Крымская республика.
Лубок да картон.
В комиссара. В кожанку
Последний патрон.

На шаланде выгребли за синий горизонт,
Только не у Врангеля был мой последний фронт.
Восемь лет я парией скитался по Руси
И шептал затравленно:
"Спаси и пронеси!"
В день святой, родительский
На кладбшде пленен
Двадцать шесть этапов
По дороге в СЛОН.

* * *

Снова в рабство обратили Русь поганые хазары.
Эх! Зачем Екатерина их поверила мольбам?
Ведь из Библии известно, как они губили страны,
А она заразу эту за сервиз впустила к нам..
Зря сенаторы читали ей заветы Святослава:
"Иудей России нужен или мертвый, или раб!"
Но премудрая царица хитрости не распознала,

Били упыри на жалость!
Ну а в этом русский слаб.

* * *

В тюрьмах слуг тех адовых —
Избавленьем — смерть.
Но назло чекистам сумел я уцелеть.
Подобрал компанию: пять сорвиголов.
Шлепнули охрану и махнули в Соловков.

Утлый челн монашеский
На север правил, в лед.
Долго там искали нас, да кто во льдах найдет?!
А потом Норвегия, Англия, Париж!
Книга, как проклятие. И в кармане шиш.

Книге не поверило левое дерьмо.
Сыпали угрозами за письмом письмо.
Франс, Фейхтвангер, Шоу и Ромен Роллан
Предали анафеме: Клевета! Обман!
Сам иуда Горький написать был рад,
Что в СЛОНе дом отдыха для зэков, райский сад.

Ужас тридцать третьего. Воероссийский стон.
Вся держава русская превратилась в СЛОН,
А евреи кушали фрукты и кишмиш![41]
А евреи ездили в Лондон и Париж!

* * *

Вдруг на переправе — смена лошадей!
Сталин полновластным стал владыкой.
Палачей — евреев как, простых людей
Стал бросать в ГУЛАГ:
"Сиди и не чирикай!"

Что тут скажешь? Сталин...
Конечно же палач.
Но вернул иудам часть долгов кровавых.
В лагерях аукнулся им в избах детский плач,-

[41]См., например, воспоминания Л.Я.Гинзбург (матери писателя В.Аксенова) "Крутой маршрут" о том, как им хорошо жилось в эти страшные для России годы: горничные в накрахмаленных чепчиках, фрукты, роскошные дачи в Крыму и т.п. (о том же И.Эренбург "Люди. годы, жизнь").

Стрелял левых также как и правых.

Ну а дальше больше,—
С Гитлером Война.
Сталин защищал от беды державу.
Рассчитались с немцами мы при нем сполна,
И вернули Родине воинскую славу.

В трудный час России
Снова я в строю,
Вновь рискую буйной головою.
Громко ведь не скажешь — Родину люблю!
Что-то в этом чувстве есть такое...

Самому мне странно: русский офицер,
Четырех Георгиев имею,
Как гроза чекистов —
Многим я пример, но помог в войну и не жалею.

Помогал России, а не палачам.
Им на этом свете нет прощенья.
Мир уже не верил сладким их стихам,
Кровь невинных требует отмщенья.

Все вожди кремлевские — банда пауков!
Пожирающих друг друга ради Власти.
Сколько крови пролито в череде веков
Ради этой беспощадной страсти!

И Хрущев иуда
Кровавый был сатрап,
Отказал в могиле мертвому тирану,
Шут застольный! Преданный
И трусливый раб!
Мертвые не имут
Ни хулы, ни сраму.

ЭПИЛОГ

memento mori!
К ней на склоне лет
Мой дед готовил душу свою строго,
И стоя у могильного порога,
Поведал мне семейный наш завет:

— Служить России!
В этом наша Честь!
Служить ей истово!
Без страха и упрека.
Служить! Не зная времени и срока,
Отвергнув выгоду, тщеславие и месть.
Я ухожу.
Теперь внук, твой черед.
Теперь ты сам ответчик перед Богом.
Не любит он молитв высоким слогом,
Но судит по делам
И дел высоких ждет,—
Из жизни уходил дед тихо, строго,
Не давая воли мукам плоти:
— Гложет,— говорил,— за Вас тревога:
Как легко и пусто Вы живете.
Эта легкость неугодна Богу,
Горек хлеб за этот смертный грех.
Трубят ангелы небесные тревогу
И нечистого я слышу громкий смех,
Наша кровь и наши прегрешенья
Ему радость.
Злобен Сатана.
Только в покаянии спасение,
Только покаянья ждет страна.
— Внучек,— мне шептал,—
Больна Россия!
Вновь вернулись Смуты времена.
Не роняйте руки от бессилия
Когда Наша Родина больна.

Отравили земли, реки, море,
Продали Ваш лес и Вашу нефть.
Неизбывно Геноцида горе,—
Смерть детей и мучеников смерть.

Не по чину нами правит гнида.
Русь живет пока без Головы,
И урок усвоив Геноцида,
Свое право осознайте Вы!

Оснований нет для самомненья,
Затяните туже пояса,
Соберите все рассыпанные эвенья,
Посадите новые леса.

И над мукой встаньте и позором!
Плоть народа!
Боль его сердец!
Головным.
Осмысленным дозором
Положите Смуте злой конец!

Предсмертная исповедь

Я не прощал врагам обид!
Мой следователь — Авербах
Любил ногой ударить в пах.
И спрашивал:
—Ну что? Болит? -
Как нашей власти злейший враг
Смирись!
Дворянское отродье.
Держите, Ваше благородье.—
И снова бил ногою в пах.
В наручниках и кандалах
Я был тогда ему не страшен
И месяц пил из этой чаши.
Шутник был этот Авербах...

Обязан был спасти я Честь.
И выжил а лагерях!
И жизнь поддерживал мне страх
Не совершить святую месть.

Я на краю стоял могилы,
Мне наступала смерть на пятки,
Но повезло; за две десятки
Не растерял ни ум, ни силы,

И вот Свобода!
Все права!
Я снова гражданин Державы!
И как от слалостной отравы
Хмельно кружится голова.

Три года после лагерей
Искал его я дни и ночи.
Нашел.
Имел он дачу в Сочи,
Пять внуков
И троих детей.

Не труд один разящий взмах
Для ненавидящей руки.
Мы были оба старики.
Шутник был эгот Авербах...

Спасал я, внучек, рода Честь.
Умрет пусть тот, кто поднял руку
На нашу Честь.

И это внуку
Мое наследство.
Все, что есть…

Честь по наследству передай…
Храни ее…
Прости…
Прощай…

Похороны

Он был зарыт не в шар земной,
Но скромный свой надел
У тех, кто правили страной
Он отстоять сумел!
Сражался с ними до конца
В Сибири и в Крыму,
Шипы тернового венца
Принес на Колыму,
Но лег не в тундры вечный лед,
Не в золотой песок,
И не под шпалы в насыпь лег
Среди болот…

Его несли в последний путь
Родные и друзья.
Как пух легла ему на грудь
Смоленская Земля.
И эту землю у него
Отнять не по плечу
ЦК, ЧК, Политбюро,
Злодею Ильичу…
Он был хранителем земли.
Они —
Временщиками.
И сын инспектора Ильи,
И Джугашвили — Сталин.
Они калечили страну
Чредой кровавых дел.
Он защищал ее в войну
И защитить сумел!
Их имена внизу,
В стене
В ряд незаконно стали.
А имя дедушки в Кремле,
В Георгиевским зале![42]

[42]По традиции имена Георигевских кавалеров заносились на стену Георгиевского зала Московского Кремля Золотыми буквами. Мой дедушка — Георгий Епифанович Пинчуков был кавалером ордена св. Георгия четырех степеней,— один из немногих в истории России.

* * *

Минут последних суета,
Печальный ритуал.
Его холодные уста
Я первым целовал.

Прервалась Ариадны нить,
Распалась цепь времен...
Как одиноко стало жить
Мне после похорон...

Шли годы.
Стал я дедом,
Внук
Семье на радость рос.
И страшно сердце сжалось вдруг,
Он задал мне вопрос:
Скажи,
мне,
Дедушка?.."

Санкт-Петербург - Москва - Владивосток
1985 -1993

Борис Иванович Бессонов (23 октября 1932, Красноярск — 31 марта 1998, Санкт-Петербург) — поэт, автор былин и стихов, доктор биологических наук по специальностям биофизика и физиология. Научный консультант Верховного Совета России (1993 г.). Привлекался правительством СССР (впоследствии России) как эксперт по масштабным инвестиционным проектам, связанным с добычей и транспортировкой ресурсов.

Творчество

Свое литературное творчество Бессонов связывает с преданиями которые он получил от своего прапрадеда, а тот в свою очередь, от своего дедушки. В его произведениях повествуется о племенах и народах, боровшиеся за Русскую идею, против рабства от Рима, Иудеи, Хазарского каганата, Печенегов, Золотой Орды и так далее, затрагивая эпоху древне-германских, славянских и других племен: Бодричи, Кимвры, Готы и т.д. Уличает историков (Шлецера, Карамзина, Шмидта, Соловьева, Ключевского и др.) в подтасовке, неточности переводов, умолчания и недомолвки фактов. В его поэме "Хазары" описывается история угнетения русских во времена от Гостомысла до эпохи Ельцина Б. Н. В былинах рассказывается о военных походах русского племени за освобождение от невольничества, возглавляемые сыном

Последний крест он получил в 1917 г.

воеводы Претич княгини Ольги и затем его детьми, которые тоже были воеводами князя Святослава, Владимира и Ярослава Владимировича (Мудрого).